

ТАТЬЯНА

ГАРМАШ-РОФФЕ

искусство детектива

Силы небесные, силы земные

Частный детектив Алексей Кисанов

Татьяна Гармаш-Роффе

Силы небесные, силы земные

«ЭКСМО»

2014

Гармаш-Роффе Т. В.

Силы небесные, силы земные / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо», 2014 — (Частный детектив Алексей Кисанов)

Кис берется за расследование, хотя в этом деле нет ни одного факта, ни одной улики. Ведь план маньяка – само совершенство... Когда Лие удалось сбежать от напавшего на нее насильника, она даже не представляла, как ей повезло: ведь за ним числятся уже три трупа! После этого жуткого происшествия жизнь, однако, Лие улыбнулась. Во-первых, она встретила Феликса, свою будущую любовь. Во-вторых, на нее, реставратора антикварной мебели, вдруг посыпались дорогие заказы. Ну и в третьих, она познакомилась с «милым чудиком», – с геем, ставшим не только щедрым клиентом, но и ее лучшей «подружкой». Жизнь казалась безоблачной. Лие и в голову не могло прийти, что все вокруг происходит по плану маньяка и манипулятора, где ей уготована роль невесты... Только Феликс подозревает неладное, – но Лия ему не верит, запутываясь в сетях маньяка все больше. И тогда Феликс обращается к частному детективу Алексею Кисанову.

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Часть 2	14
Глава 1	14
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	40
Глава 6	42
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Татьяна Гармаш-Роффе

Силы небесные, силы земные

© Гармаш-Роффе Т. В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*А. М. Чарному, моему отчиму, главному патологоанатому МПС,
и его друзьям-коллегам посвящается*

*Я люблю тебя, царица,
Я хочу тебя добыть,
Вольной волей иль неволей
Ты должна меня любить.*

А. К. Толстой

*Две вещи оправдывают существование человека на земле: любовь
и творчество.*

И. Бродский

Часть I

Июнь

Глава 1

Сумерки, истома, пряный воздух расцветающего лета.

Хочется любви. Любви, а не замуж...

Но Алле надо замуж. Поскорее и за богатого.

Они дошли до двери ее подъезда. Теперь то ли прощаться, то ли пригласить Виктора к себе... Пусть сам начнет. Напросится на чашку... или рюмку. А она сделает вид, что поверила, будто речь и впрямь о чашке-рюмке.

Да, пусть сам. Так будет проще.

... Честно говоря, Алла даже не надеялась, что понравится ему. Красавчик, и явно богат: щедро угостил ее в ресторане, за все заплатил. И до дома на такси доvez. «Моя тачка в ремонте», – сказал. Девки на него гроздьями готовы вешаться – во время ужина так и крутились, так и вились вокруг, надеясь привлечь к себе его внимание, и плевать им, гиенам, что он с девушкой! А вот выкусите, ему понравилась – Алла! Пусть и не такая красавица, но симпатичная, и фигура хорошая, и волосы на загляденье – длинные, волнистые... На нее всегда парни смотрят! Да только не те, что нужно... А Виктор – как раз то самое. Мечта, а не мужчина.

Надо его удержать во что бы то ни стало. Правильно повести себя сейчас, чтобы он и завтра захотел с ней увидеться. Завязать отношения, в общем.

Да как, блин? Алла надеялась, что инициативу проявит он, а она еще и поломается в меру... Но он стоял и молчал у двери подъезда, опутив руки. Только, наклонив лицо свое красивое, рассматривал ее, будто о чем-то хотел спросить. И все никак не спрашивал...

Что-то в нем было непривычное. Вежливый очень. Руки не распускал, целоваться не лез, неприличных разговоров не заводил. Прямо аристократ. В переписке он казался куда смелей! О таких вещах спрашивал, мама не горюй! Фотографию обнаженную просил. Когда она отказалась, стал вопросы задавать про ее тело... Говорил, что хочет представить. Что мечтает увидеть наяву. А то в переписке, типа, это как во сне...

Потом в ресторане вдруг спросил с задумчивым видом: «Ты веришь в настоящую любовь?» Алла ему улыбнулась нежно и ответила: «Конечно!» А чего еще сказать?

Он в ответ выдал что-то такое, мол, люди принимают за любовь потребительское отношение. Типа они не хотят отдавать себя, хотят только получать. Он это так печально сказал, будто за все человечество переживал. Алла даже растерялась. Да кто же отдавать хочет? Никто! Все хотят получать.

– Знаешь, это такие материи... я в них не разбираюсь, – весело ответила она, чтобы положить конец странному разговору.

Он просто кивнул.

А теперь, у подъезда, и вовсе умолк. Самой, что ли, предложить ему подняться? Такого парня надо держать обеими руками, это редкая удача... Или лучше попрощаться сейчас? Не такая, мол, я девушка, чтобы сразу. И номер телефона ему дать.

Ну а вдруг не позвонит? Нельзя так рисковать...

Молчание, однако, затягивалось. Алла все никак не могла придумать, как лучше себя повести. Отец всегда говорил, споря с матерью: «Мужика можно удержать только постелью! Не

дала баба – и до свидания, другую найдет!» Но мать считала, что мужику надо «поохотиться». Потому девушке сдаваться сразу нельзя, следует его поводить, поморочить как следует...

Алла не знала, кто из них прав. Ей не хотелось ни охотиться, ни удерживать. Не встретила она пока такого, чтобы захотелось. Но родители наседали. Она еще школу не успела закончить, как они принялись талдычить о выгодном замужестве. По их мнению, девушка – товар скоропортящийся, отчего надо себя продать побыстрее и подороже, конечно. А в том, что ни к чему иному Алла не приспособлена, – в том никто не сомневался. Даже она сама.

Но ей хотелось любви...

Прагматизм родителей принял такой размах, что Алла стала подозревать: уж не намерены ли они поскорее дочь из дома выпихнуть, в руки мужа сбавить? Отец с матерью подались после дефолта конца девяностых в Москву из Калуги – там у них был небольшой бизнес, стройматериалы. Дефолт сожрал почти все. Распродав остатки, они выручили кое-какую сумму и решили: в столицу! Только там делаются настоящие деньги!

И точно, поначалу дела пошли в гору. Они купили ларек на ярмарке, потом другой, а вскоре и третий. Откупались, конечно, как положено: от рэкета, от чиновников, от ментов. Надеясь, что все эти спиногрызы однажды наедятся досыта и отвалятся, оставят их в покое. Однако вышло иначе. На место старых вымогателей – нажравшись, они шли выше, на новые уровни, атаковать новые хребты, – заступали следующие. Голодные, злые. И снова кричали: дай! отстегни!

Ничего не кончалось, все становилось только хуже. И теперь вот последний ларек у них отбирают. Пивом запретили торговать, сигаретами...

Алла стала обузой для родителей. И они всеми силами настраивают ее на выгодный брак. И, похоже, разочарованы, что год спустя после окончания школы она все еще не нашла себе подходящего жениха... Уж не мечтают ли и сами сесть на шею ее будущему богатому мужу? Хрен их знает. Могут. Они думают, дочка ничего не понимает, – да как же ей не понимать, если она с ними выросла? И все их расчеты-просчеты всю жизнь слушала?

– Ты что-то задумчива стала, русалочка...

Виктор дотронулся до локона Аллы, ласково отвел от лица. Алла неожиданно ощутила волнение, впервые за весь вечер.

Какой красивый парень, блин, телевизор по нему плачет! А он не в телевизоре, он тут, с ней, с Аллой, у ее обшарпанного подъезда! И смотрит выжидающе... Хватать его надо! Хватать, пока не поздно! У него карточка «голд», Алла видела, он в ресторане расплатился, – а такие только у богатых бывают!

Она представила, как обзавидуются девчонки, когда увидят их вместе, и сладость разлилась по ее телу.

– Я бы пригласила тебя... На чашку чая, – поспешно уточнила она. – Но я вообще-то с родителями живу.

На самом деле родители уехали на дачу, квартира была пуста. Эту фразу Алла закинула, как удочку: хотела посмотреть, как Виктор отреагирует.

– Я бы с удовольствием... чаю, – улыбнулся он. – На дорожку. Мне ведь сейчас обратно ехать...

– А ты где живешь? В центре? – жадно поинтересовалась она в надежде услышать какой-нибудь аппетитный адрес.

– За городом, – Виктор не стал распространяться. – А родители твои разве не на даче? – с легкой усмешкой спросил он. – В такую-то погоду?

Он протянул к ней руки и осторожно ее обнял.

Наконец-то!

– Знаешь, я тоже потребитель, – прошептал он, целуя ее. – Я тоже ищу в любви наслаждения... для себя...

Как будто Алла думает о *наслаждении*! Ей остро нужен муж. Богатый! Ну, чтоб не жадный еще, чтоб деньги давал. Будь он страшный и старый, она и то согласна! А уж когда такой красавчик, как Виктор... Если о наслаждении говорить, то вот оно, настоящее: ловить на себе восхищенно-завистливые взгляды подружек!

Она почувствовала в его теле легкое подрагивание. Парень настроен чисто-конкретно. Дождалась, слава богу!

И в то же мгновение Алла внезапно ощутила боль в низу живота, будто кто-то мазнул раскаленной кистью справа налево.

Месячные приближаются, сообразила она. В такие дни у нее всегда болел живот, секса совсем не хотелось. И ничего не хотелось. Только принять обезболивающую таблетку и зарыться в постель, под теплое одеяло... При одной мысли о сексуальном контакте ее мутило, а живот восставал резкой болью.

Но не объяснишь же парню – подожди, мол, еще несколько дней! Нет, его надо брать сейчас, сию минуту!

Что ж, она притворится. Не впервой. Будет симулировать восторг и оргазм – пусть думает, что он лучший. На мужчин это очень действует. Даже на тех, у которых нужный орган едва стоит. Вот ведь странность: мужчина ведь сам видит, как его «машинка» подкачала! Но нет, верит вранью, верит лживым комплиментам – таким лживым, что даже Аллу тошнит...

– Ладно, пойдем. Но только на чашку чая! – кокетливо засмеялась она.

Виктор начал срывать с нее одежду уже в прихожей, причем столь стремительно, что Алла не успевала вставить и слово протеста. «Бешеный какой», – подумала она, но ей это польстило: выходит, она довела мужчину до безумия! Оставив на ней только нижнее белье, он потащил ее в комнату.

– Не в эту! Это родительская, моя вон там!

Но он будто не слышал.

– Пойдем, русалочка, пойдем, насладимся, – пробормотал он, не ослабив хватки.

– Подожди! – попыталась умерить его пыл Алла: он слишком сильно сжимал ее запястье. – Ты мне делаешь больно! И это не моя комната!

Распахнув дверь ногой, он толкнул девушку на двухспальную кровать, встал над ней на колени, сжав ими ее бедра. Ее руки он не выпускал из своих. Он тяжело дышал, а глаза его бегали по телу Аллы, будто что-то высматривая.

– Почему ты называешь меня *русалочкой*? – Голос Аллы немного дрожал, ей стало не по себе.

Виктор вдруг расслабился, отпустил ее руки и нежно улыбнулся.

– Потому что ты живешь в воде. Кто же ты тогда, если не русалочка?

– Я не живу в воде! Что ты несешь?!

– И волосы твои чудесные играют в волнах...

Аллу вдруг захлестнула волна отвращения, смешанного с ужасом. Боль снова горячо полоснула низ живота.

– Знаешь что? Ты сумасшедший! Пусти меня. Я не хочу. Я тебя *на чай* пригласила!

Он склонился к ее груди, принялся целовать и облизывать ее кожу.

Она попыталась отпихнуть его – не тут-то было. Виктор снова поймал ее ладони, крепко сжав их в одной своей руке, а другой, извернувшись, достал из заднего кармана черных джинсов розовые наручники с перышками, которые в одно мгновение оказались на ее запястьях.

– Тихо, тихо, не шуми...

Он содрал с нее последнюю одежду, трусики и лифчик, взвизгнула молния на его джинсах.

– Тихо, тихо, вот так... не сопротивляйся, хуже будет... Мы должны насладиться, русалочка... Мы насладимся... О, о-о-о, вот!.. Вот так... Умница...

Он двигался между ее бедер, тяжело дыша. Алла благоразумно решила не сопротивляться. Парень псих, а то и вообще маньяк... Может убить, если ему перечить!

Она закрыла глаза и постаралась расслабиться. Боль в низу живота нарастала, и Алла пару раз вскрикнула, – но, кажется, это прошло за ее половой энтузиазм.

Он постанывал все громче, а Алла молила бога, чтобы все поскорее закончилось и он убрался из ее квартиры. А раньше, чем он уберется, она закроется в ванной. Сумочку схватит по дороге, в ней телефон. Если этот псих вздумает ломиться к ней, она вызовет полицию!

...Она не сразу поняла, отчего ей стало так трудно дышать. Когда же догадка пронзила ее сознание, то уже ни звука не могло вырваться из ее гортани.

Последнее, что уловил ее погибающий слух, – это торжествующий вскрик оргазма убийцы, донесшийся с планеты, которую покидала ее душа.

Глава 2

Сергей Громов хмурился, читая рапорт. Костик – хоть уже майор, а все *Костик*, потому как давний друг и товарищ (хоть зануда изрядный, да кто ж не без греха), сидел напротив.

– Маньяк, говоришь, – отложил рапорт Громов.

– Ну, парни из Южного РУВД так подумали, потому нам информацию передали. Жертва изнасилована, задушена. Да еще эти треугольники на коже...

– Ты проверял, есть ли похожие дела по другим районам?

– Гоше поручил. Пока результатов нет, видимо, а то б уже доложил.

– Что означают треугольники на теле? В Южном догадки какие-нибудь есть?

– Кабы были, они бы с нами поделились. Небось рады нам спихнуть дело с перспективой на всяк.

– Кактус тебе на язык.

– Хе.

– Забирай у них дело и тело.

– Уже едут, ваше благородие.

Сергея (хоть уже и полковник, но для своих все Серега) зыркнул на товарища: тот улыбался. Надо же, Костик шутит! Не часто с ним это случается.

– В лото выиграл? – хмыкнуло «благородие».

– Серег, я, кажется, жениться собираюсь...

– Опа! Это надо обмыть. Расскажешь, кто эта отважная женщина, готовая тебя терпеть всю оставшуюся жизнь!

– Во блин, все настроение испортил.

– Да ладно, Костик, я ж прикалываюсь...

Через некоторое время явился Гоша, самый молодой опер отдела, да не с пустыми руками: выявил в базе нераскрытых преступлений два похожих ОПД (оперативно-поисковых дела).

– Тоже изнасилование с удушением. И женщины одного типа, голубоглазые шатенки, – подал он полковнику распечатки. – Одна в Восточном округе проживала, другая в Центральном.

– Почему нам дела не передали сразу?

– А вы их спросите.

Как ни любил Сергей Громов свою работу, как ни хотел бы вставить грудью на защиту чести полиции, – он знал, увы, что много тупых и бестолковых в нее набилось. Спрашивать у них бессмысленно.

– А треугольники на коже есть?

– Тут вот... – Гоша повернул распечатки к себе, – написано: «удушение с последующей порчей тела». Кто-то шибко грамотный расстарался, – хихикнул он. – Ну, я подумал, что похоже на наш случай. Ведь вырезанные треугольники – это тоже *порча тела*, верно? А в другом сказано, – Гоша ткнул пальцем в одну из строчек, – «посмертный узор из геометрических фигур».

– Прямо поэт, – хмуро отозвался Громов.

Поручив затребовать оба дела, найденные Гошей, он уселся за стол в своем кабинете и углубился в чтение папки, которую принес ему Костик.

Жертву, Аллу Усенкову, нашли вчера утром родители, вернувшись с дачи. Девушка лежала в ванне, наполненной доверху, волосы колыхались в зеленоватой душистой (из-за спе-

циальных солей) воде. На ее коже были вырезаны небольшие треугольники: один под левой грудью, второй в низу живота, над лобком, третий на пояснице. Зачем-почему, оставалось только гадать.

Эксперт в предварительном заключении указал, что если тело было погружено в горячую воду, то трудно будет установить, вырезаны они на живой девушке или после ее смерти, так как горячая вода могла повлиять на свертываемость крови. Кроме того, в воду добавлено немного хлорки, что окончательно уничтожило генетические следы, если таковые и были на теле.

Вскрытие еще не проводилось, и удушение пока, строго говоря, является версией, построенной на основании вполне явственных следов пальцев на шее жертвы.

Первые оперативно-разыскные мероприятия ничего не дали: никто из соседей не видел накануне вечером ни Аллу Усенкову, ни мужчину, вошедшего к ней или с ней в квартиру. Дверь не взломана – скорее всего, жертва пустила убийцу к себе добровольно, если только у него не имелось дубликата ключа. Обыск не выявил ни одного отпечатка.

Сыщики из РУВД прозвонили несколько номеров по мобильному Аллы – безрезультатно. Одни знакомые сокрушались при известии о ее безвременной кончине, другие остались равнодушны, но никто не был в курсе, с кем она встречалась. Лишь две девушки, сказавшиеся близкими подругами погибшей, заявили, что Алла искала себе богатого мужа, и они нередко ходили вместе в клубы, где гипотетический муж мог оказаться завсегдатаем. Тем не менее они не знали, нашла ли Алла подходящую кандидатуру, завязались ли у нее отношения, так как девушки не каждый раз выходили в свет вместе. Но полагали, что Алла бы непременно похвасталась, если б подцепила богача.

На этом работа РУВД заканчивалась: какой-то умник заподозрил почерк маньяка, и дело попало на Петровку к Сергею Громову. Хотя для одного дня работа ими была проделана немалая, уже хорошо.

Сергея не сомневался: это *почерк*. Даже если бы не нашлось других дел, он бы счел, что это первое убийство серийника. У таких слишком много «тараканов» в башке – и все они разбегаются по строчкам полицейских отчетов. Эти странные треугольники на коже девушки – будем надеяться, он вырезал их посмертно... И ритуал погружения тела в ванну, хотя задушил он ее, скорее всего, в постели, во время или сразу после полового акта... И даже тот факт, что отпечатков не оставил: психи опасность своим звериным нюхом чувствуют и лучше любых нормальных умеют скрывать следы.

Громов снова подвинул к себе снимки. Треугольник, кажется, символ гармонии. Да, точно, он об этом читал: символ триединства: Отец, Сын и Святой Дух... или как-то так. А у масонов он считается единством неба и земли... нет, света и тьмы... А третья сторона еще что-то обозначает... время, что ли?

И еще важно, чтобы треугольник был равносторонним! – всплыло вдруг из глубин памяти. Громов снова посмотрел на снимки: точно, так и есть, все треугольники – равносторонние. За небольшой погрешностью, которую стоит отнести к нетвердости руки убийцы... К слову, это уже кое о чем говорит: убийца не медик и не мясник.

Впрочем, толку от этого открытия мало.

Надо ли искать какой-то смысл в их расположении, послание маньяка? Или их порядок не важен, а важно количество? Их три – три фигуры из трех граней. Три на три – девять... И что дальше?

Чертыхнувшись, Сергей открыл поисковик в Интернете, завел слово «треугольник» и погрузился в чтение. Примерно через двадцать минут его затошнило от магии, символов, геральдики и прочих странных, на его вкус, вещей. И он набрал номер Киса.

Кис – то есть Алексей Кисанов – был давним коллегой и товарищем по сыскной работе на Петровке. В конце 90-х Алексей подался в диковинную тогда профессию частного сыщика

и, вопреки прогнозам пессимистов, процветал на оном поприще из года в год. С тех пор Серега с Лехой много дел переделали вместе, много нечисти отловили совместными трудами. И выручали друг друга не раз, и прикрывали.

Они не были схожи ни характерами, ни методами расследования, но это им не мешало. Наоборот – помогало. Взаимодополняемость называется.

У Киса была одна черта, которая иногда раздражала, а иногда восхищала Серегу: он любил выстроить уйму версий, чтобы ничего не упустить, и не жалел тратить время на размышления. Тогда как Громов больше любил действие: он полагался на свое чутье и гнал, как хищник, по следу. В обоих методах имелись свои достоинства и, как водится, свои недостатки.

А еще у Киса была жена Александра, Серегина любимица. Когда-то Серега завидовал дружану и сам был немножечко в Александру влюблен. К счастью, прошло. Остались дружеская привязанность и уважение. Уважение в том числе и профессиональное: будучи журналисткой, Александра обладала столь разносторонними и неожиданными познаниями, что к ней можно смело обращаться с любым вопросом. К тому ж она отличалась необыкновенной оперативностью: чего сама не знает – то разузнает в кратчайшие сроки.

Посему, кто бы из этой супружеской пары ни ответил на его звонок, толк выйдет.

Ответил Кис.

Серега изложил проблему.

– Идеи есть? – спросил, закончив.

– Есть. Давай посмотрим на дело так: маньяк не геометрические фигуры вырезал – он вырезал кусочки кожи, на которых что-то было. Например, татуировки.

– Хм... Не, Леха, не пойдет. Слишком маленькие треугольники для тату, поверь. Да и делают их напоказ, а у жертвы два треугольника на животе, одна на пояснице. Увидеть их можно только летом, на пляже.

– Пирсинг?

– Тот же ответ: места неподходящие.

– Ладно. Возможно, у девушки были бородавки?

– А на кой ему?

– Сам знаешь, какая-нибудь идея «очищения» тела, у психов часто встречается...

– Это мысль. Другие есть?

– Ну, родимые пятна.

– Три? По-моему, это слишком много. Обычно у человека бывает одно, максимум два...

– Или родинки.

– Тоже для «очищения»?

– В принципе, родинки обычно не ассоциируются с чем-то уродливым, как бородавки, но мы ведь имеем дело с испорченным мозгом...

– Еще чего-нибудь?

– Серег, я тут вижу два варианта: либо он чертил фигуры – и тогда надо разгадывать их тайный смысл, либо он вырезал вместе с кусочками кожи что-то, что на ней было. Вот и ищи.

– А почему треугольники?

– Да откуда же мне знать... Может, так было проще?

– В каком смысле?

– Ну представь себя на его месте...

– Не хочу.

– Придется. Вырезать ровный кружок на коже без навыков – а ты сказал, что в контурах есть погрешности, стало быть, навыков нет, – намного труднее, чем квадрат или треугольник.

– А зачем ему ровный?

– Возможно, он аккуратист. Не хотел уродовать тело.

- Признайся, ты пошутил?
- Вовсе нет. Он же псих, больной. И логика у него больная.
- Допустим... Тогда почему не квадрат?
- Когда его поймаешь, то и спросишь.
- Ну и черт с тобой, – поблагодарил друга Громов и отключился.

Часть 2

Июль

Глава 1

Он стоял у окна в темной комнате и смотрел на ночной город, сверкавший внизу огнями. В руке он держал большой пузатый бокал из простого стекла, на дне которого чернело вино. Иногда он приближал его к губам, вдыхал аромат – большие бокалы бережно сохраняют запах – и отпивал маленький глоток. Ванна его распарила, после нее он не оделся – так и стоял обнаженный, изредка бросая взгляд в какое-нибудь из многочисленных зеркал, украшавших стены комнаты, на свое отражение. Даже в полумраке было видно, как он прекрасен, и он казался себе античным богом, взирающим на землю сверху, со своего облака.

В комнате беззвучно работал телевизор, синими всполохами прорезая сумрак; на огромном экране сменялись лица, и ему казалось, что это восхищенная толпа проходит перед ним, как на параде, приветствуя свое божество.

Насладившись вином, видом города из окна и самого себя в зеркалах, он направился в спальню, чтобы одеться... И вдруг застыл перед экраном телевизора. Затем включил звук.

«...дерево пористо, оно живое, состоит из клеток, как любой живой организм. В теле дерева много воздуха, и там, запечатанный в его пузырьках, до сих пор хранится запах яичницы, приготовленной сто лет назад незнакомым вам человеком. Там запахи шампанского и рвоты, запахи горячего секса и болезней умирающего тела, запахи детского мыла и крови... Там запахи чужих жизней и чужих смертей, запахи радости и горя», – говорила молодая женщина, чье миловидное лицо привлекло к себе его внимание. Каштановые выющиеся волосы – не слишком светлые, не слишком темные; голубые глаза; небольшой, хорошо очерченный рот, нежный и чувственный одновременно; и родинка у верхней губы... Еще одна на подбородке... Чудесная девушка.

Он подлил себе вина и сел на диван, стоящий напротив телевизора.

– Как поэтично, – кивнула ведущая. – Правильно ли я понимаю, что вы как реставратор антикварной мебели не рекомендуете ее покупать?

– Нет. Я говорю, что дерево – это летопись и архив, хранитель судеб и истории. Кому-то такая идея покажется прекрасной, даже величественной, а у кого-то вызовет брезгливость. Каждый решает сам. – Камера снова вернулась к девушке, и внизу появился титр с ее именем и фамилией. – Но я всегда помню об этом, когда работаю с мебелью.

– Говорят, вы творите чудеса. Это правда, Лия?

– Ну, не чудеса, а... – девушка немного смутилась. – Просто я работаю с мебелью очень бережно. Мне кажется, что дерево хранит души прежних хозяев. – Она неловко засмеялась, как это нередко случается с людьми, не привыкшими к вниманию телекамер и публики. – Покрывая его лаком, я их будто запечатываю, как запечатывают бутылку с посланием перед тем, как бросить в море...

Дальше он не слушал, только смотрел, как замороженный, на девушку-реставратора. Да, вот это то, что ему надо! И зовут ее так замечательно: Лия. Женщина его мечты, в прямом смысле слова.

Передача закончилась, пошли титры. Он набрал хорошо знакомый номер, без приветствия распорядился: «Лия Доминикянц. Адрес и телефон».

Текстовое сообщение с запрошенной информацией пришло через несколько минут.

Он быстро оделся, схватил ключи от машины. Время довольно позднее, вряд ли он сегодня ее увидит, но он был возбужден и не мог ждать. Ему казалось, что ноздри его уже чуют ее запах, что он уже взял след.

– До свидания, милая, не скучай без меня, – бросил он через плечо в темноту своей квартиры и вышел.

Ему повезло несказанно: Лия как раз расплачивалась с шофером такси. В руках сумка и нарядный пакет. Он был уверен, что она перед ним дрогнет – как все женщины, как всегда, – кокетливо заулыбается, начнет с ним заигрывать. Но она лишь бегло мазнула по нему взглядом у двери подъезда.

Он сделал галантный жест, когда она вытащила электронный ключ: мол, дамы вперед, – придержал перед ней дверь и вошел следом. Она еще раз бросила на него беглый взгляд, когда они подошли к лифтам, – женщинам постоянно твердят, что не следует входить в кабину с незнакомыми мужчинами, – и правильно, к слову! – но его шикарная внешность ее успокоила. Он ступил в кабину первым и нажал кнопку последнего этажа: ее квартира, с большой вероятностью, ниже. Не следует девушку напрягать раньше времени.

Расчет оказался верным: она вошла в лифт. И когда он прибыл на ее этаж, на седьмой, она не волновалась: ведь незнакомец не сделал ни одного пугающего жеста, а теперь и вовсе остался в кабине, собирается ехать выше...

Лия уже отпирала квартиру, когда он выскочил из кабины. Быстро зажал ей рот и впихнул в прихожую, наподдав дверь коленом.

Глава 2

...В день выхода передачи Лия решила устроить себе праздник – беспечный, веселый день встречи с подружками, «день щебета», как она это называла. Понежившись с утра в постели, Лия неспешно позавтракала, затем приняла душ, оделась и поехала по магазинам. В любимом своем бутике накупила разных средств для тела (только натуральные ингредиенты, иных она не признавала!), затем прошлась по супермаркету, где нахватала разных вкусностей, и отправилась к подруге Машке, чтобы посмотреть в небольшой девичьей компании телевизионную передачу со своим участием.

Девчонки с визгом налетели на деликатесы. Лия благодаря своему ремеслу иногда зарабатывала значительные суммы и любила побаловать подружек – они, соответственно, любили, когда их балуют. Впрочем, они тоже внесли свой вклад в вечеринку: в две пары рук налепили пирожных «картошка». Вся эта гастрономическая роскошь отлично шла под кьянти и под передачу.

К концу вечера подружки постановили, что смотрелась Лия отлично и говорила умно, даже малость чересчур, и впечатлила всех рассказами про души, запертые в дереве. Теперь и на стул не сядешь, не подумав о них, острила Машка, а Натка опасливо поинтересовалась, не могут ли в дереве храниться вирусы от прежних хозяев. На прощание девчонки наказали ей всегда краситься так, как ее накрасила гримерша с телевидения, потому что выглядела Лия обалденно!

Прибыло заказанное по телефону такси. У Лии имелось свое транспортное средство, небольшой крытый грузовичок, но не разъезжать же на нем по Москве на свиданки и дружеские посиделки. Он служил для перевозки мебели от клиента в мастерскую и обратно, а на вторую машину Лия пока не то чтоб не заработала – скорее, не отважилась: пробки ее изнуряли. Так что пользовалась она общественным транспортом и иногда такси – как сегодня, например, когда темно и холодно, будто вовсе не июль на дворе... Пожалуй, даже плащ ее не согреет.

В машине она предвкушала расслабляющую ванну с купленными днем душистыми маслами и вытяжками, полезными для кожи и настроения. День прошел отлично, вечер тоже будет неплох!

Не успела Лия подойти к двери подъезда, как услышала за спиной шаги. Она обернулась: мужик, но приличный, не шпана. Рассматривать его Лия постеснялась, но все же заметила: дорогая куртка из тонкой кожи, кожаная же кепка; модная полоска темной бородки... Вряд ли стоит его опасаться. К тому же он вроде бы красивый. Такие не охотятся за девушками по ночам.

У лифта она снова засомневалась. Он явно не из ее дома. Старая девятиэтажка не шла к его холеной внешности, как кирзовые сапоги к фракку. Значит, чужак. А не далее как вчера она в тысячный раз слышала по телевизору призыв к женщинам не заходить в лифт с незнакомцами, да еще в позднее время... Вот если бы еще объяснили, как вести себя воспитанным девушкам, которым неловко обижать недоверием человека!

Двери открылись, мужчина сделал жест, предлагая ей войти. И тут же, уловив ее сомнения, понимающе кивнул и ступил в кабину: мол, если боитесь, поеду без вас. А Лия себя немедленно обругала: неужто такой смазливый тип испытывает недостаток в женщинах, чтобы насиловать их в лифтах? Да они на него наверняка гирляндами вешаются, бери не хочу!

И она шагнула в кабину следом. На табло с кнопками уже был нажат девятый этаж. Лия нажала на свой, седьмой. «Вот видишь, трусиха, – мысленно иронизировала она, – у него тут дело. Небось на свидание к кому-то явился... Кто это у нас на последнем живет?»

Лия понятия не имела. Знала только ближайших соседей, остальными не интересовалась: есть в жизни дела более увлекательные.

Она расслабилась, и мысли ее потекли в другом направлении. Ей было приятно принять участие в передаче, которая называлась «Интересные личности»¹. Разумеется, этому поспособствовал один из ее клиентов – нынче ничего не делается без связей или денег. Но Лия не чувствовала себя неловко: она считала себя личностью, а свое дело – уникальным. Так что согласилась она с удовольствием и еще с надеждой, что передача послужит ей рекламой и привлечет новых заказчиков. Зарабатывала она неплохо, но неровно, а дрессировать деньги не умела: они, как дикое животное, быстро выскакивали из ее рук и убегали в неизвестном направлении. Тогда как расходы ее были постоянными и не могли зависеть от прихоти этого недрессированного зверя: она оплачивала родителям лекарства и сиделку, а ее имущество хоть и небольшое, но тоже требовало трат – квартира и мастерская, грузовичок и гараж. Все это влетало ежемесячно в копеечку, тогда как... – она вставила ключ в замок, – тогда как некоторые клиенты заказывали совсем пустячные работы, не приносявшие дохода...

Большая холодная ладонь неожиданно накрыла ее рот, и Лия поняла: *страшное все же случилось*.

Он втолкнул ее в квартиру, держа впереди себя, нашарил выключатель. Как только зажегся свет, он протянул из-за ее спины руку и сунул ей под нос небольшой, остро заточенный нож. «Видишь? Ни звука, или он воткнется тебе в горло. Поняла?»

Лия закивала. Она дышала с трудом под его ладонью, глаза ее заслезились – то ли от страха, то ли оттого, что гортань перехватило спазмом.

Он ослабил хватку, вышел из-за спины Лии и, внимательно изучив ее полные ужаса зрачки, медленно отнял ладонь от ее лица.

– Раздевайся.

Она бросила сумку и пакет со средствами по уходу за телом, купленными днем, на пол. У нее тряслись руки. Ей никак не удавалось сладить с молнией плаща.

Он не стал ждать и рванул замок молнии так, что тот наехал на плотную ткань ровно посередине пути и встал намертво. Он склонился над застежкой, остервенело дергая замок вверх-вниз, но тот никак не желал двигаться. Лия стояла ни жива ни мертва, не понимая, не веря, что это происходит с ней, и судорожно пытаясь придумать, как спастись... Кажется, следует ударить его коленом в пах – никогда в своей жизни Лия подобного не делала, но нехитрый этот прием растиражирован кино. Проблема заключалась в том, что, согнувшись к молнии, он отодвинул цель немного назад, и вероятность промаха была слишком велика. Придется ждать другого, более подходящего момента.

– Зачем тебе я? – дрожащим, враз охрипшим голосом проговорила она в козырек кожаной кепки, скрывшей его лицо. – Ты красивый, девушки за тобой бегают, зачем тебе я?!

Он не ответил.

– Или ты наркоман? Тогда, знаешь, тебе лучше...

Его большая пятерня в черной перчатке больно мазнула Лию по лицу, словно он хотел закрыть ей сразу и глаза, и рот.

– Заткнись! – прошипел он. – А ну-ка, тащи через голову! Снимай!

Лия попятилась, задев ногой пакет с покупками. Насильник бросился к ней.

Она снова отступила и поняла, что ее каблук попал в петлю ручки пакета. Он волочился за туфлей, оставляя мокрый след, – похоже, что-то потекло. Пакет полз, теряя свое содержимое – баночки, разноцветные душистые шарики для ванны, мыльца и флакончики... Там есть

¹ Передача вымышленная.

спрей для укладки волос с экстрактами цитрусовых! – вдруг вспомнила она. Только бы его подобрать, только бы взять в руки!!!

Мерзавец снова подскочил к Лие – что-то сочно хрустнуло, лопнуло под его ногой, аромат ее любимого шампуня мгновенно затопил комнату – и схватился за низ ее плаща, намереваясь стащить его через голову. Лия двумя руками отдернула подол в сторону и немного вниз – так сильно, как только могла, – и ура, насильник не удержался! Не упал, но все же на мгновение потерял равновесие, выпустил плащ – это позволило Лие быстро отцепить пакет от каблука и немного отбежать в глубь комнаты.

Однако агрессор быстро настиг ее, схватил за руку, рывком развернул к себе лицом и вlepил ей такую пощечину, что Лия пошатнулась, оступилась. Из глаз потекли слезы, все задвоилось и расплылось... Кажется, она потеряла линзы! Или только одну? Упырь снова дернул ее за руку – то ли чтоб еще раз ударить, то ли чтобы плащ содрать, – и Лия вынужденно переступила ногами. Под ее подошвой с треском лопнула подушечка с гелем для душа, и, поскользнувшись на нем, Лия начала падать, опрокидывая попутно вазу с цветами, стоявшую на низком столике.

На пол полилась вода. Разноцветные, как леденцы, шарики для ванны принялись шумно и весело пениться. Это игривое, благоухающее шипение на секунду отвлекло внимание нападавшего, чем Лия воспользовалась, быстро подобрав с пола баллончик спрея для волос. И когда упырь вновь обратил на нее свои бессмысленные глаза хищника, готового разорвать живую плоть, она выпрыгнула в них всю свою ненависть.

Руки его взлетели к обожженным глазам, он отступил. Лия рванулась в сторону двери, но он, учуяв движение, кинулся к девушке, чтобы ее перехватить... и неожиданно поехал левой ногой вперед, рухнул на спину. Под насильником вовсю пускали пузыри шарики, источая ароматы цветов и экзотических фруктов, и он, сколько ни пытался, никак не мог подняться в их скользком пенящемся месиве. Руками он то шарил вокруг, надеясь поймать Лию, то тер обожженные глаза, делая им только хуже, нанося на них мыльную пену, в которой вымазались его перчатки...

Этот момент никак нельзя упустить, другого уже не будет! – поняла Лия и принялась осторожно, бочком, тихо обходить его, боясь поскользнуться и надеясь, что он все еще не может открыть глаза и увидеть ее... Как вдруг ощутила, что падает! Насильник сумел ухватить ее за ноги!

– Не уйдешь, русалочка, – прохрипел он, – не уйдешь!

Лия со всего размаха впечаталась щекой в угол комода и постигла, что означает выражение «искры из глаз посыпались»...

Отчаянно вцепившись в столешницу комода, она принялась дергать ногами изо всех сил, стараясь лягнуть бандита, да побольнее. Кажется, пена еще раз оказала ей услугу, поскольку Лия ощутила, что ноги ее свободны, а краем глаза увидела, что тело мужчины отъехало, под градом ее пинков, по скользкой луже на некоторое расстояние.

По-прежнему опираясь на комод, Лия выпрямилась. Щека болела отчаянно, зуб тоже. Во рту скопилась слюна со вкусом крови, и Лия, впервые в своей жизни, сплюнула на пол. Нужен лед, мелькнула мысль, но инстинкт самосохранения громко и четко проглаголил: беги! Труп лед не поможет, а ты рискуешь им стать, если не спасешься!

Она быстро выскочила из квартиры, захлопнув за собой дверь. Нажала на кнопку вызова лифта, ждала его с оглушительным сердцебиением, прислушиваясь одновременно к звукам из квартиры: не идет ли за ней этот ирод, урод? Умом она понимала, что ему нужно сначала добраться до крана и промыть глаза, и это займет какое-то время, но страх был сильнее. Кажется, сейчас он выпрыгнет из двери, и тогда ей несдобровать...

Лифт приехал через несколько секунд (видимо, стоял на девятом этаже, ведь насильник нажал кнопку), показавшихся ей вечностью. Наконец двери его сомкнулись за ней, кабина тро-

нулась вниз. Это тоже давало ей фору: ему придется снова ждать лифт или сбегать по лестнице, потеряет еще минуту-другую.

Выскочив на улицу, Лия помчалась к проезжей части, чтобы поймать машину, – и только тут осознала, что у нее нет с собой ни сумочки, ни денег. Лия пошарила в карманах разодранного плаща: проездной билет на подземный и наземный транспорт, маленький кожаный кошелек с монетами, салфетка и конфетка.

Значит, такси отменяется... Надо позвонить Машке. Попроситься к ней ночевать, а подруга расплатится с такси!

И тут Лия совершила еще одно неприятное открытие: мобильного у нее тоже с собой не оказалось. Разумеется, он остался в сумочке.

За всеми этими лихорадочными мыслями она потеряла чувство времени и вдруг, вынырнув из них, испугалась: а ну как упырь уже идет по ее следу?! Лия в ужасе посмотрела на часы, да без толку: она понятия не имела, в котором часу выбежала из квартиры.

Завидев идущий по улице ночной автобус (небось последний!), Лия изо всех сил припустилась к остановке. Неважно, куда сейчас, – важно, чтоб подальше отсюда!

Почему-то казалось, что если она сама не знает, куда отправилась, – то и он ее не найдет...

В салоне оказалось четыре пассажира. На переднем сиденье раскачивалась поджарая старушка, взглянувшая на Лию с неодобрением и опаской. Дальше сидел парень с дредами, неопрятно одетый. Он слушал музыку в наушниках, тихо подвывая мелодию. Лию он проводил ухмылкой, но петь не перестал. Чуть дальше спала, привалившись головой к стеклу, молодая толстая женщина, а на заднем сиденье что-то бормотал себе под нос пьянчуга, не обративший на девушку никакого внимания.

Она выбрала место позади спящей женщины. Щека болела невероятно. Достав салфетку из кармана, Лия потерла щеку, пытаясь понять, есть ли на ней кровь. Но следа не осталось – значит, раны нет, только ушиб... И припухлость, будто у нее флюс. Лия прижалась щекой к прохладному стеклу. Ничего это не даст, но хоть какая-то иллюзия облегчения...

Мыслей у нее никаких не было. Вернее, была чехарда из обрывков мыслей. Что, в общем-то, одно и то же. И только когда автобус опустел – остался лишь пьянчуга на заднем сиденье, – Лия вдруг очнулась. Куда она едет? Зачем? Автобусом этим она никогда не пользовалась, ее дом в одной остановке от метро, Лия всегда ходила пешком... А теперь заехала невесть куда...

Она подошла к кабине водителя и постучала.

– Где мы сейчас, скажите, пожалуйста?

– В Тушино.

Господи, зачем ей Тушино? Что она тут делать будет? Она ведь живет на Речном!

То есть жить-то живет, но домой нельзя... И позвонить без телефона нельзя... Надо было парня с дредами попросить, у него наверняка мобила есть! Да только парня того уже и след простыл, пока Лия пребывала в ступоре...

Она вышла на ближайшей остановке. И куда теперь? Где провести ночь? Не на лавке же под козырьком остановки... Пристанет кто-нибудь...

Лия поежилась. Только сейчас она ощутила стылый холод. Тонкий плащ не согревал ее, тем более что теперь, со сломанной молнией, его невозможно застегнуть...

И щека болит. Зуб тоже. Во рту по-прежнему привкус крови. Лия провела языком по десне: от коренного явно откололся кусок – край стал острым, чуть не порезал язык.

«День щебета» казался теперь таким далеким и даже глупым в своей счастливой беспечности. Жизнь резко повернулась к ней другим боком – тем, что она знала только понаслышке, только по кино и сводкам происшествий, – темной своей стороной... Стороной зла. С которой она, как любой нормальный человек, не желала сталкиваться.

Однако жизнь ее не спросила. Хуже того: ничего не кончено! Насильник знает, где живет Лия, и может вернуться к ней в любой момент!

Но об этом потом, потом. Надо сначала решить, где найти прибежище на ночь. В спокойной обстановке она все обдумает. А сейчас в голове хаос, тело дрожит под легким плащом, нервы натянуты, как гитарные струны, – того и гляди, сорвутся, лопнут...

Лия осмотрелась. На тротуаре ни души, но метрах в трехстах сиял вывеской супермаркет. Хорошо бы круглосуточный... Там могли сохраниться телефоны-автоматы, а мелочь у нее как раз есть. Хотя не факт, что они с монетами работают... Может, нужны карточки? Она уже забыла, когда в последний раз пользовалась таксофонами. Хотя... В магазине есть люди, а у них – телефоны! Кто-нибудь даст ей воспользоваться своим, и тогда Лия позвонит Машке!

И она решительно направилась в сторону супермаркета.

Улица была пустынна: в этот ночной час в магазине отоваривались посетители особого рода – те, что при машинах. Только один пьянчуга попался ей на пути, да компания из четырех подвыпивших женщин, громко и нестройно певших хором про рябину.

У магазина Лия покрутилась, ища глазами телефон-автомат. Однако подобный атавизм и тут не наблюдался.

Неожиданно она поймала на себе взгляд. Какой-то парень с пакетом из супермаркета – он оттуда как раз выходил – притормозил в дверях и с любопытством рассматривал Лию. Похоже, собрался с ней заговорить... Не хватало только, чтобы к ней ночью, в незнакомом месте, пристал какой-то придурок! Ей на сегодня приключений хватило и без него!

Лия решительно вошла в магазин и принялась искать среди стеллажей редких клиентов, у которых можно попросить мобильный для одного маленького, малюсенького звонка... Наконец возле колбасного отдела она заметила толстяка в спортивном костюме.

– Добрый вечер, – проговорила она, подходя. – Вы не могли бы меня выручить? У меня... Мой мобильный разрядился, а мне нужно срочно позвонить...

Мутные маленькие глазки окинули ее оценивающим взглядом.

– Что, мало тебе подбили, а? – мужик хохотнул. – Еще просишь?

Лия попятилась, не понимая, чем вызвана такая агрессия в ее адрес. Она ведь вежливо...

– Давай, пошла, пошла отсюда, шлюха! Телефон ей нужен, – обратился он к продавщице, протягивавшей ему нарезку ветчины, – с такой рожей!

Лия невольно схватилась за опухшую щеку. Да уж, с «такой рожей»...

В этот момент кто-то тронул ее за плечо. Сердце противно дернулось от страха. Лия резко обернулась.

– Извините, я не хотел вас напугать... Просто подумал, может, вам помощь нужна?

Перед ней стоял тот парень, что недавно разглядывал ее в дверях супермаркета.

– У вас кровь на щеке, я поэтому спрашиваю.

Лия, достав салфетку, предприняла новую попытку оттереть кровь и тут же вскрикнула от резкой боли.

– Уже засохла. Просто так не получится.

Он подошел к стеллажу, взял бутылку с водой, отвинтил крышку.

– Дайте ваш платок, намочу.

К ним кинулась женщина в бело-синей робе:

– Вы теперь эту бутылку оплатите! Не вздумайте ее обратно поставить! А то тут каждый норовит поесть-попить, а в кассу товар не несет! А у нас потом недостача и порча товара!

– Не волнуйтесь, давление у вас и без того высокое, так и до инсульта недалеко...

– Ты мне, парень, зубы не заговаривай! А ну, иди, плати в кассу!

– Заплачу, – он улыбнулся. – Когда закончу покупки. Хотите, позову вас, чтобы вы поприсутствовали при процессе оплаты товара?

– Ишь, умник, – спокойнее сказала женщина. – Точно заплатишь?

– Обязательно.

Женщина только сейчас посмотрела на Лию и охнула.

– Это ты ее так?

– Не я.

– Не он, – подтвердила Лия.

– Ну, ладно тогда... А откуда ты про давление узнал?

– Я врач. Мне видно.

Женщина неопределенно качнула головой и скрылась за соседней стойкой. Лия взяла смоченную салфетку, осторожно повела ею по щеке.

– Погодите, не там... Давайте помогу.

Он протянул к ней руку за салфеткой, но Лия спрятала свою за спину.

– Да ладно, чего вы, я ж просто... Тут зеркало где-то есть, я видел, надо только сообразить... Ага, в шкафу-холодильнике стенка зеркальная, пойдемте!

Он привел Лию в дальний угол магазина, где действительно стоял шкаф с охлажденными напитками. Задняя стенка-зеркало плохо просматривалась из-за банок и бутылок, но Лие все-таки удалось поймать свое отражение...

Она ахнула. Мало того, что щеку разнесло, так она еще переливалась багровым от ушиба и почти черным от подсохшей крови. Теперь понятно, почему на нее так посмотрел парень с дредами в автобусе, да и хамская реакция толстяка в спортивном костюме прояснилась.

Она приложила мокрую салфетку к щеке, подождала в надежде, что кровь размокнет и ее будет легче оттирать. Парень молча стоял рядом и смотрел. Лию это раздражало, но одновременно его присутствие действовало на нее как-то успокаивающе.

– Похоже, мне нужен зубной врач, – произнесла она, морщась от боли.

– В такое время? – с иронией спросил парень.

– Ну да... У меня зуб сломался. Болит жутко.

– И кто вам его сломал?

– Никто, – нахмурилась она.

– Сам сломался, – кивнул парень. – И кровь на щеке выступила сама.

– Знаете что, я вас ни о чем не просила! Идите себе... куда шли!

– Тут был один частный стоматолог, у себя в квартире кабинет оборудовал, но я его выгнал. Точнее, настучал на него.

– Из-за налогов?

– Нет. Он их наверняка не платил, но это не мое дело.

– Без диплома практиковал? – равнодушно спросила она, пробуя потереть щеку.

– Во времена, когда диплом можно купить с такой же легкостью, как пачку жвачки? Диплом у него, конечно, есть, хоть и липовый. Но цены были низкие, малоимущие к нему охотно ходили. Дело в другом... Давайте я вам все-таки помогу?

– Сама справлюсь. Так в чем там дело, вы говорите? С зубодером этим?

– Некоторое время назад ко мне соседка обратилась, чтобы я анализы ее бабушки перепроверил: у нее нашли ВИЧ-инфекцию. А бабуле уже под девяносто. Соседка поверить не могла – да и кто бы поверил, что старушка вела беспорядочную половую жизнь или кололась наркотой! Самое интересное, что и переливаний крови у нее тоже никогда не было. Что же до уколов или анализов крови, то обращалась она только в нашу поликлинику, а там у нас квалифицированные люди работают, я знаю... Ну, я проверил: диагноз подтвердился. А потом выяснилось, что бабушка ходила к нашему подпольному зубодерику, его пенсионерки из подъезда хвалили. Он такой, знаете, слащавый, умел льстить наивным старушкам, о здоровье

их всегда спрашивал, о внуках... Вот здесь еще, – вдруг указал он пальцем на место, ближе к подбородку Лии. Она, следуя его жесту, принялась тереть щеку пониже. – Ну вот, зашел я к нему, прикинулся, что у меня зуб болит. Смотрю, работает без перчаток, инструменты не стерилизует, а это же бомба замедленного действия! Ну, я сразу на «горячую линию» Минздрава сообщил. Через некоторое время он свой кабинет закрыл или его закрыли, не знаю, а сам исчез отсюда. Теперь клиенты его бывшие сидят и трясутся. Чтобы СПИД с точностью выявить, нужно около шести месяцев ждать. А бывают еще и разные виды гепатитов, и других тяжелых заболеваний... Но вам не зубодер нужен.

– А кто?

– Полиция. Вас ведь избили. Муж приложил? – он мазнул взглядом по ее пальцам. У Лии было только тонкое серебряное колечко на мизинце. – Ну, ваш парень, – внес поправку незнакомец. – Отличный парень, любит вас очень, – он усмехнулся с иронией.

– С чего вы взяли? – раздражилась она.

– Что вас любит? Ни с чего. Он вас не любит, раз бьет.

– С чего вы взяли, что это мой парень?!

– Так если бы хулиганы напали, вы бы в полицию пошли, разве нет?

– Какой смысл?! – вспылила она. Этот тип был нахальным и самоуверенным, такой умник-всезнайка. – Я его... их даже не рассмотрела, описать не смогу! Мне там знаете что скажут? «Вас не убили и не изнасиловали, нечего и обсуждать»!

– А зовут-то вас как?

– Меня?

Парень вытянул шею и посмотрел ей за спину. Лия тоже обернулась. Там ни одной живой души не наблюдалось. Она с непонимающим видом перевела глаза на собеседника.

– Тут разве кто-нибудь, кроме вас, есть? – спросил он насмешливо.

– Вы есть! – рассердилась она за то, что попала на его уловку.

– Ну, как меня зовут, я знаю. Феликс, кстати. А вас все-таки как?

– Лия, господин «счастливый»², – язвительно проговорила она.

– Приятно иметь дело с образованным человеком, – усмехнулся он. – Значит, так, уважаемая Лия. Варианта у вас два: либо я вам помогу, либо прогоните меня, и я уйду. Я уж и так с вами пятнадцать минут потерял без толку.

Лия молчала, а Феликс с любопытством изучал ее лицо.

– А у вас, между прочим, глаза разные. Один голубой, а другой карий. Линзы носите?

– И что с того?

– С диоптриями? Вы близоруки?

– А вам-то что?

– Вы сказали, что нападавшего... – *нападавших*, по другой вашей версии – вы не разглядели. Потому что одну линзу потеряли? И какой цвет глаз у вас настоящий, голубой или карий?

– Я не разглядела, потому что мне не до того было! Когда на вас нападают, то, представьте, вы заняты спасением собственной шкуры! А не разглядыванием лица насильника!

Лия вдруг часто заморгала и неуловимым движением сняла линзу.

– Уф, как я раньше не сообразила... Глаза разболелись.

– Карие, – удовлетворенно кивнул Феликс, посмотрев на нее. – Так он пытался вас изнасиловать?

– Вы собирались уйти, помнится.

– Я все еще собираюсь. Но, видите ли, я не привык оставлять слабых в беде.

– Я не слабая, не волнуйтесь. Идите себе... куда собирались!

² Так имя Феликс переводится с латыни.

– Лия, послушайте... Вы взвинчены, это понятно. Но вам нужна помощь, я знаю. Если я уйду, вряд ли найдется кто-то другой, кто поможет вам.

– А вы кто, «добрый самаритянин»? Вам больше всех нужно?!

– Отчего вы злитесь на меня, не пойму? Вы оказались в незнакомом месте... бежали со страху, да?

– С чего вы взяли?!

– ...Иначе бы вы знали, где тут водятся стоматологи. Да и не крутились бы у магазина, осматриваясь... У вас разбита щека, на вас напали, вы сбежали... Откуда-то, где на вас напали. Около вашего дома? Или прямо в вашей квартире? Тсс, ничего не говорите. Я не спрашиваю, на самом деле. Я просто объясняю, что вижу: вы в беде. И пытаюсь помочь. Погодите, не возражайте! – повысил он голос, заметив движение протеста со стороны Лии. – Можете мне поверить: я добрый, но отнюдь не святой, и бесконечно уговаривать вас не собираюсь. Я устал, я возвращаюсь после долгого трудового дня к себе домой, где намерен отдохнуть. Будете кочевряжиться – я вас оставлю тут, в незнакомом месте. И отправлюсь спать. Потрачу на вас еще ровно две минуты. Тсс, дайте мне закончить! – Он поднял руку, пресекая ее возражения. – Я сказал: две минуты.

Феликс посмотрел на часы, будто в подтверждение своих слов.

– Итак. У вас на данный момент две проблемы: одна – это разбитая щека и, видимо, поврежденный зуб... возможно, к слову, имеется трещина в челюстной кости, нужен рентген! – и все это болит и требует медицинской помощи. Другая проблема – это нападение на вас. Мне, честно говоря, до фени, кто там и как. Я не любопытный. Но вы явно напуганы, и всерьез. При этом вы оказались в незнакомом месте – то есть бежали сломя голову от ублюдка, – однако вы не схватили такси и не отправились к близкому человеку... Потому что у вас его нет.

– С какой стати вы делаете подобные выводы?!

– Две минуты еще не истекли. Близкий человек, возможно, у вас есть, вношу поправку, но если именно он вас избил... Тогда понятно, почему вы не хотите сообщать в полицию... Еще тридцать секунд, – предупреждая поднял он руку. – Я сказал: я не любопытный. Мне все равно, кто он вам. Просто в данный момент вам не к кому обратиться. И у вас, как я сказал, две проблемы. Я предлагаю вам помощь. Теперь все. С чего начнем: с зуба или с полиции?

Лия посмотрела на него внимательнее. Высокий лоб, увенчанный короткими рыжими вихрами, глаза тоже рыжие, немного оттопыренные уши, лицо умное, пожалуй, но не скучное – что-то в нем было смешное, озорное.

– Близкий человек у меня есть, – веско ответила Лия, – но у меня нет с собой телефона... Раз уж вы так любезны, то давайте начнем с него. У вас есть мобильный? Можно мне по нему позвонить? *Близкому человеку?*

– Есть и можно. Только он разрядился, кажется... – Он вытащил телефон из кармана, посмотрел на дисплей. – Нет, не кажется. Батарейка совсем села. Теперь у нас на одну опцию больше: отправиться в полицию, заняться вашим зубом или пойти ко мне, где вы сможете позвонить с домашнего телефона.

Идти к незнакомому парню, пусть он и казался нормальным, даже симпатичным человеком, Лия, после того что с ней случилось, ни за что не рискнула бы.

– Если вы не против, – вдруг застеснялась она, – давайте начнем с зуба. Болит так, что я ничего не соображаю...

– Я только домой сгоняю, Репейку, кошку свою, покормлю. Она и так со мной уже три дня не разговаривает, обижается: я ей, мол, недостаточно времени уделяю.

– А потом что?

– Что потом? Помириться надо будет. Почесать за ушком. Я ей еще прогулку обещал, но это придется отложить...

– Нет, в смысле, как вы мне поможете? К зубному отвезете?

– Мне показалось или у вас нет сумочки?

– Нет...

– Вряд ли вы носите купюры в карманах, как мужчины.

– И что?

– Стоматолог денег стоит. А ночные услуги – особенно.

– А как же тогда...

– Ко мне в больницу поедem, тут недалеко. Для начала сам гляну, что там у вас, рану обработаю, воспаление остановить надо, а потом видно будет. Подождите меня тут, Лия, в магазине... вы ведь не пойдете со мной? Тогда оставайтесь здесь, не выходите на улицу, в такое время опасно одной.

Феликса не было довольно долго, полчаса протекло, но Лия не волновалась – чувствовала: этот парень не болтун, вернется. В какой-то момент она увидела покупателя с сотовым, хотела было попросить... Но передумала. Время проваливалось в глубокую ночь, не стоит Машку будить, тем более что теперь Лия не одна... И зуб требует неотложной помощи... Да и снова нарываться на грубость со своей багровой, вздутой щекой не хотелось.

Она встала у ячеек для хранения сумок и от нечего делать читала на стенках объявления, рассматривала детские рисунки – супермаркет организовал зачем-то выставку. Вряд ли эти рисунки здесь кто-то заметит и отметит, но зато торговой сети зачтется «социалка».

– Это тебя тот рыжий приложил? Твой парень, а?

Лия обернулась. Скучающая кассирша решила разузнать подробности происшествия.

Лия пожала плечами, не ответив, и вышла в тамбур. Наконец она заметила в темноте силуэт Феликса. Он стремительно приближался.

– Извини, небольшая проблема возникла...

У него на плече осталось несколько серых ворсинок. Лия не стала уточнять, что за проблема, – какая ей разница.

– Пошли, – скомандовал Феликс и вышел из магазина первым, направляясь к проезжей части.

Лия увидела, что волосы на затылке Феликса, постриженные очень коротко, бобриком, мокрые. Душ успел принять, что ли? «Бобрик», – так она его немедленно прозвала про себя, – с работы возвращался, когда они встретились, он сам сказал... Почему бы и не принять душ, собственно.

Ей почему-то стало приятно, что он это сделал перед новой встречей с ней. Лия была несколько брезглива и нередко воротила нос в транспорте от дурно пахнущих людей, особенно таких, у которых вонь была застарелая, от многодневной немытости и нестиранности.

Машину они поймали сразу. Феликс продиктовал адрес, и ночная Москва тронулась за окнами.

Глава 3

Хлопнула входная дверь: девчонка сбежала из квартиры. Арсений выбрался наконец из скользкой лужи, почти вслепую добрался до ванной, пустил воду и, стащив перчатки, долго промывал глаза, пока резь не утихла. Посмотрел на себя в зеркало: ёпт, глаза красные, как у кролика-алкоголика... Ладно, не смертельно, пройдет.

Он стащил полотенце с держателя, вытер руки и принялся было натягивать перчатки, как увидел, что они в пене и геле. И не только они – вся его одежда. Арсений аккуратно обмыл перчатки и куртку, насухо вытер, – насквозь вещи не промокли, повезло, все-таки кожа высшего качества. Джинсы он, смочив полотенце, просто обтер.

Вернувшись в гостиную, он осторожно обошел благоухающее месиво – запахи-то все знакомые – и уселся на старинный маленький диванчик с выгнутыми спинками по обоим сторонам, будто двое должны сидеть на нем лицом друг к другу. Мебельюшка эта «козеткой», кажется, называется. Она выглядела антикварной, но плотный шелк обивки был новым, на красном дереве – ни царапинки. То ли мебельщица козетку отреставрировала, то ли сама соорудила...

Сбежала, ну и ладно. Он ее найдет, если понадобится. Вот понадобится ли?..

Он был сильно разочарован: во время борьбы она потеряла линзу, и оказалось, что она кареглаза. А ему нужна шатенка с **голубыми глазами**! Как та.

Его идеал. Его русалочка.

Он сидел на козетке и думал. Он не торопился – был уверен: она напугана и не скоро отважится вернуться домой. А полиция сюда не придет, даже если она заявила. Он знал, как это происходит: заявление у нее примут, но никто и пальцем не пошевелит. Покушение – не преступление, труп нет, изнасилования нет. Никто не пойдет ночью в ее квартиру осматривать место нападения.

Ну а если вдруг... Он услышит лифт, у него прекрасный слух (а стенки в панельных домах чуть толще картона), – и успеет уйти.

А пока ему нужно принять решение. Поэтому он сидел и размышлял. Все в ней, абсолютно все – кроме цвета глаз – совпадало. И рост, и нежно-чувственная форма губ, и волосы, и...

И, самое удивительное, – имя.

Он ощутил, как в нем снова поднимается мощная волна желания. Ведьма, ведьма, прикинувшаяся той, которая ему нужна!

Но она – не та. С ней ничего не получится. Так что не стоит и время на нее тратить.

Он натянул перчатки, встал, осмотрелся. Квартира двухкомнатная, но комнатки смежные. Там, в глубине, тесная спальня, больше похожая на альков; комната побольше выполняла функции и гостиной, и кабинета: справа от входа козетка с маленьким столиком перед ней, тоже красного дерева, напротив красиво выложенный искусственный камин, над ним большой экран телевизора; слева старинное бюро с множеством ниш и ящичков. На столешнице ноутбук. Квартирка ладная, как ее хозяйка, и такая же чувственная. Откуда пришло ощущение чувственности, он не понимал, но оно было явственным.

...А может, получится? Она вызывает у него желание – почему же не получится?

Так это сейчас, когда в нем еще не остыл жар... А потом – случится облом, стыдный облом.

А если она будет в линзах своих голубых? Он может заставить ее надеть, когда она окажется в его власти! Чем не решение?

Да, но он-то будет знать, что на самом деле глаза у нее карие... Ничего не выйдет.

Душистое месиво на полу еще колыхалось и пенилось. В прихожей валялась ее сумочка, рядом – ключи от квартиры. Он чуть не подобрал их, но вовремя раздумал. Она – не та. Она ему не нужна. Пусть дальше занимается своими деревяшками. Он даже, пожалуй, ей пару богатых клиентов подбросит... Да, это мысль. Так он будет держать руку на пульсе, на случай...

Он осторожно вышел из квартиры, тихо захлопнул дверь. Машину – специально приобретенный на чужое имя подержанный «Фольксваген», ничем не примечательный, – он благо- разумно поставил за три дома отсюда. Проскользнув двора тенью, он уселся за руль, завел мотор и направился в центр города. Возбуждение не утихало, порожденное той, которая ему не подходит...

Значит, нужно найти подходящую! Ту, с которой получится. Ту, чье тело примет его возбуждение и удовлетворит его страсть. Должно повезти, не может быть иначе. Он прекрасен и совершенен, ему все всегда удастся! У него есть лишь один недостаток, один, и он отравлял ему жизнь, но он научился с ним справляться. Для этого нужна только девушка, напоминающая его русалочку. И он ее найдет!

Он посмотрел на часы: далеко за полночь. И завел в поисковик ключевые слова: «москва центр кафе рестораны ночные». Получив результаты, он отсеял дорогие заведения – те, где могли тусоваться его знакомые.

После отсева осталось не так уж мало. И он, припарковав машину на одной из центральных улиц – в ночные часы это не представляло проблемы, – отправился пешком. Заходил в ночные заведения, зорко окидывал взглядом залы и шел в следующие. До тех пор, пока не увидел ее, официанточку, голубоглазую шатенку с премилой родинкой на щеке.

Сочетание каштановых волос со светлыми глазами встречается довольно редко, но он всегда знал: боги ему помогают. Что за боги такие, он никогда не задумывался, но был уверен: они так же прекрасны, как он. По большому счету только красивые, совершенные люди имеют право на жизнь. Остальные, уродливые и убогие, должны умирать в утробе своих уродливых матерей. Но естественный отбор в нынешнее жалостливое время не работал. Жалостливые люди выхаживали всякое отребье, чтобы оно потом гадило всему человеческому роду своей умственной и физической неполноценностью. Будь его воля, он, как в древней Спарте, скидывал бы убогих с высокой скалы...

Впрочем, они все равно вымрут. Бездарная внешность соответствует бездарной сущности, и жизнь рано или поздно выбрасывает таких за борт. Боги их не любят. Это ему всегда все удавалось – потому что боги считали его равным.

Так вышло и сегодня. Он постоял у двери, наблюдая, и быстро понял, как себя вести. Лишняя сотня «без сдачи», несколько игривых слов – и все, она млеет. Он – красавец, перед ним любая дрогнет. Но этого мало – нужен еще намек, что она может – о, да-да, она может! – обольстить его, такого красивого! И, конечно же, такого богатого. Да еще и щедрого, ха!

Эта курья порода мозгов не имеет. Имела бы, так хоть чуток призадумалась: какого хрена такой красавец и богач тут передо мной выделяется? Кто я – и кто он?

Но у курьей породы нет мозгов – вместо них похоть и жадность. Стоит сыграть на них умело – и все, кура-дура твоя.

Приготовления не заняли у него много времени: проверил, хорошо ли держатся усики с бородкой, снова нацепил кепку с длинным козырьком; достал из «бардачка» и водрузил на палец массивный золотой перстень: если кто что и запомнит, то именно эти детали, – приметы, по которым его никогда не найдут.

Войдя в бар, он взял со столика меню с перечнем напитков, быстро просмотрел. Затем направился к шатенке. «Валентина», было написано на ее бейджике.

– Добрый вечер, – произнес он бархатным баритоном (девушкам почему-то особенно нравятся бархатные баритоны), – Валентина. У меня небольшая проблема: мне нужен вот этот сорт виски, – он указал на самый дорогой напиток, – нераспечатанная бутылка, с собой. Но тут значит, что его нет! Это правда? Я очень надеюсь, что вы... – тут он посмотрел ей прямо в глаза, чуть улыбнулся, – вы можете эту проблему решить.

У нее передний зуб с щербинкой. Это оскорбляло его эстетический вкус. Но сейчас ему не до изысков. У нее каштановые волосы и голубые глаза – сойдет в качестве «Скорой помощи».

– Вы очень красивая девушка, вы это знаете?

Она не была «очень красивой» – она была с натяжкой миловидной, – но курьей породе врать легко.

Она вспыхнула, кокетливо и неуверенно кивнула. Типа знает, конечно, но как-то не до конца, поэтому комплименты приветствуются.

– Думаю, что с хорошей прической и правильным макияжем, – строго произнес он, – вы могли бы претендовать на обложку журнала...

Он назвал популярный мужской журнал, и девушка уже принадлежала ему. Она была готова ехать на край света, лишь бы попасть на обложку и в постель красавца, в силах которого изменить ее жизнь.

Но край света не входит в его интересы, ему нужна лишь ее квартира.

...Уходил он оттуда, полный отвращения и сожалений. Ничего у него не получилось, ничего. Сбой. Омерзительный, унижительный. Никакого кайфа не получил, ритуал исполнил не полностью и кое-как и даже для своей русалочки подарка не прихватил... Он испытывал такую невыносимую брезгливость – к ней, к себе, к целому миру, что желал только одного: уйти поскорее. Уйти и забыть.

...Всю сознательную жизнь Арсений жил с чувством, что его предали. Его, совершенного, не имеющего ни одного изъяна! Лишь один маленький, но подлый сбой отравлял ему существование, унижал его в собственных глазах...

Но только в собственных. Никто о его дефекте не знал, ни одна душа. Чтобы избежать расспросов и подозрений – отсутствие подружек их провоцировало, конечно, – он позиционировал себя как истинно религиозного человека, ожидающего «знака свыше», чтобы выбрать свою «единственную», и не разменивающегося на «скотский трах». К тому же благодаря отличной памяти он умел к месту приплести цитату из Библии. Ему верили. Сочетание очаровательной светскости с религиозностью придавало ему особый шарм и глубину. В его кругу это вызывало почтение и даже, как ни странно, подражание.

Впрочем, ничуть и не странно, поскольку глупость человеческая не имеет пределов – хоть каждый раз удивляет. Безмозглые, не имеющие собственных мыслей людишки. Вчера они снимали каждую путану в баре, а сегодня в религию ударились и ждут «знака свыше», как он. Какой там знак и откуда должен взяться, они не ведают (он-то его выдумал, лапшу навесил на уши!), но иным удавалось даже развод с супругой в летах и женитьбу на молоденькой куре списывать на «знак свыше»!

Публика хавала. Может, на самом деле и не верила, но богатство респектабельно, имеет власть над быдлом, и никто не смел задавать провокационные вопросы. Так что им удавалось вполне удачно ему подражать, а подражание возвращалось к нему в виде дани восхищения.

В общем, внешне Арсений был благополучен, беспорочен и, конечно же, прекрасен. Но сам-то он знал о своем изъяне, вот в чем проблема! И это знание отравляло ему жизнь. Унижало, сбрасывало с пьедестала.

Он не мог допустить подобного унижения. И для этого ему нужны были девушки с голубыми глазами и каштановыми волосами: с ними у него получалось. С ними он мог забыть о своем подлом дефекте.

Но сегодня его дважды подставили: сначала у одной оказались не голубые глаза, потом у другой...

У другой все было на месте. Это его мысли были не на месте! Вопреки всему, он хотел ту, *кареглазую*...

Глава 4

В такси Лия засомневалась. Не то чтоб она опасалась Феликса, нет. Но разве она опасалась того красавца, с которым столкнулась у двери подъезда?!

Опасалась, вдруг поняла она. Опасалась, но убедила себя, что не следует. Что мужик красивый и приличный. Что ему нет нужды охотиться на одиноких девушек по ночам.

И правильно рассудила, между прочим! Только она для нормального человека рассудила. А этот – ненормальный. Вряд ли он убийца, зато насильник наверняка. И Лия бы непременно сообщила в полицию, если бы... Если бы не та история. И если бы верила, что будет толк.

Она посмотрела на своего соседа по сиденью: он спал, привалившись головой к окну. Да, Бобрик ведь с работы возвращался... Он врач, у него дежурства, он устал. А теперь снова едет на работу, чтобы ей помочь. Разве не странно, что один человек хотел ей причинить зло – просто так, ни за что; а другой – делает добро, и тоже просто так, ни за что? Вроде воспитывают всех в детстве одинаково, всех учат хорошему – если не родители (они всякие бывают), то в школе, даже в детском саду. Или дело не в воспитании, а в генах? Ведь ясно же, что красивому парню легко с девушками, выбор у него большой, – значит, ему нужно именно насилие!.. Или всему виной наркотики? Наркотики меняют сознание, и даже приличный человек может под его действием стать агрессивным... Значит, когда он придет в себя, он сам ужаснется?

– Приехали, – произнес водитель, обернувшись к ним.

Феликс поднял голову, помотал, стряхивая дремоту. Впереди видны были каменные ворота. Точнее, ворота железные, но в каменном высоком заборе. А справа что-то вроде пропускного пункта.

Феликс расплатился, и они вышли. Он провел Лию через этот пункт, разбудив охранника, который мирно почивал в своей будке, и они оказались в довольно большом парке. В конце просторной дороги смутно белело большое здание, но Феликс направился не к нему, а по узкой, плохо освещенной дорожке куда-то в бок.

Лия спрашивать не стала, просто шагала рядом с ним. Вскоре показалось приземистое здание, а там и вывеска обнаружилась...

«МОРГ», было написано на ней. Лия встала как вкопанная. И этот – он тоже извращенец?! Зачем он ведет ее в морг???

– Ты чего? – посмотрел на нее Феликс, увидев, что она остановилась.

– Куда мы идем?

– Ко мне на работу, – он не удержался и зевнул.

– Ты работаешь в морге?!

– В патологоанатомическом отделении. Сделай еще четыре шага вперед, и ты увидишь надпись, она чуть дальше.

– И что ты... и кем ты работаешь?

– А, извини, не представился: я прозектор.

– Той тетке в магазине ты сказал, что врач!

– Так я и есть врач.

– Для мертвых, что ли?

– Эй, да ты испугалась!.. – Он остановился, развернулся лицом к ней. – Лия, мы идем ко мне, на мое рабочее место, где я займусь твоей разбитой щекой, десной, зубом. Если боишься и не доверяешь мне, можешь уйти, я тебя не держу. Я немного подзарядил мобильник, пока был дома, давай вызывать такси.

Похоже, он рассердился. Она бы на его месте тоже рассердилась: тащиться ночью, жертвуя сном, чтобы помочь человеку, а человек этот в последний момент струсил. Неприятно, да. Но он ведь не знает, что с ней случилось... Он не представляет, как ей теперь страшно: она

больше не умеет отличать нормальных людей от психов! У них на лице, к сожалению, это не написано.

Хотя... Она ведь толком лица нападавшего и не видела! Только заметила, что красивый, вот и все. Потом уже не до разглядывания было... А если бы она смогла заглянуть ему в глаза еще в подъезде, то, возможно, увидела бы в них что-то страшное, нечеловеческое? И сразу бы все поняла?

– Извини, – примирительно произнесла она. – Пойдем. Не обижайся, ладно?

Она взглянула Феликсу в глаза. Они оказались очень *человеческими*. И еще сонными. И никакого мужского интереса к ней в них не имелось. Совсем никакого, даже странно, но Лию в данный момент это устраивало, великолепно устраивало.

– А я чего, похож на обиженного? – Феликс улыбнулся.

– Вроде нет... – Она ответила на его улыбку, и у нее разом на душе полегчало, хоть и не совсем понятно, отчего. – Ты на сову похож. Или на филина.

– Это еще почему? – удивился он.

– Глаза раскрыл пошире, чтобы не заснуть! – засмеялась Лия.

– Это точно... Филин Феликс, неплохо звучит, а? Ну, пошли. Если боишься морга, можешь за мою руку держаться. Но мертвые люди тебе зла не причинят. Зло могут причинить только живые.

Лия, поколебавшись, просунула свою руку под Феликсову, и они двинулись дальше.

Он открыл входную дверь электронным ключом, включил свет. Они прошли по длинному коридору мимо ряда закрытых дверей, на которые Лия поглядывала с опаской. Наконец Феликс распахнул одну из них. К ее облегчению, за ней обнаружился обычный кабинет.

– Присаживайся. Я сейчас все приготовлю.

Он вымыл руки (в кабинете находилась раковина), затем натянул перчатки. Они были тонкими и резиновыми, но Лия почему-то сразу вспомнила черные кожаные перчатки насильника, и ей стало не по себе.

– Не бойся, больно не будет, – по-своему понял Феликс метнувшийся в ее глазах страх. – По крайней мере, не очень... Я осторожно.

Он повернул лампу, осмотрел зуб и десну внутри, пощупал, мягко надавливая, снаружи, послушал, как Лия тихо ойкает, – после чего заявил, что трещины в кости, скорей всего, нет, но на внутренней стороне щеки есть небольшой разрыв, который может зажить и сам, но лучше его зашить.

– Зашить? Иглой?!

– Ты предпочитаешь вязальным крючком? – хмыкнул он, доставая из шкафа большую коробку, из которой извлек упаковку с одноразовым шприцем.

– Мне не смешно!

– Куда тебе, трусиха. Открывай рот, анестезию сделаю.

– Зачем?!

– Зуб буду вырывать.

– Какой зуб, ты о чем?! – вскочила Лия.

– Да шучу, господи боже мой. Анестезию, чтобы не было больно, когда щеку стану зашивать. Там всего-то два стежка надо сделать. Или ты предпочитаешь без анестезии?

– Садист.

– Ты настоящих садистов не видела, деточка, – Феликс дурашливо клацнул зубами.

«Видела, – подумала Лия. – Не далее как сегодня...» По лицу ее пробежала тень.

– Ты что, действительно боишься? – вдруг посмотрел на нее серьезно Феликс. – Ну конечно, дурак я, ты же пережила сегодня нападение... Слушай, хочешь, сначала выпьем? Тебе надо расслабиться немножко. У нас тут спирт есть, я...

– Спирт? Ты что, я не могу!

– Плохая привычка перебивать старших. Дослушала бы и узнала, что я собираюсь из него водочку сделать. Путем разведения водой. Будет как настоящая, даже лучше.

Лия засомневалась. Нервы у нее и впрямь натянуты до предела, но...

– Я опьянею на пустой желудок.

– Я же не напиться предлагаю, дурашка! Просто немножко выпить. Мне тоже ни к чему перед *хирургическим вмешательством*... спокойно, это шутка! Кстати, у меня тут что-то съестное есть, чтобы закинуть в пустой желудок.

Феликс снял перчатки, открыл ящик стола, пошарил и выудил оттуда упаковку баранок, пакетик крекеров и коробку с пастилой.

– Мой руки и накрывай на стол, – распорядился он. – А я химией займусь.

Через несколько минут на краю письменного стола, высвобожденного из-под бумаг, стояли картонные тарелки с «закусочной» и мензурки с тепловатой «водкой».

– За твой зуб!

Теплая водка показалась Лие отвратительной на вкус, зато внутри у нее будто мгновенно развязался узел.

– Надо же, – удивилась она, – на меня никогда алкоголь так быстро не действовал.

– Это потому, что она теплая, всасывается быстро.

– Ты ее подогрел, что ли?

– При смешивании спирта с водой выделяется тепло, такая химическая реакция.

– У меня в животе тоже химическая реакция с выделением тепла, кажется.

– Тем лучше. Бери крекеры, у тебя же голодный желудок.

– Не желудок голодный, а я!

– Вы с желудком на пару. Ты мне расскажешь, что с тобой случилось, или будем о погоде говорить?

Лия замешкалась с ответом, и Феликс продолжил:

– На улице прекрасная погода. Блещут звезды и сверкает молния.

– Одновременно?

– Ну да. Я создаю предмет для дискуссии. Ты мне возразишь, что так не бывает, а я стану доказывать, что бывает. Вот и поговорим. Больше не о чем ведь.

– Ладно, перестань.

– Перестал. Хочешь вторую мензурку?

– А станет еще лучше?

– Ага, и анестезия не понадобится.

– Это опять шутка?

– Что с тобой случилось, Лия? Кто на тебя напал?

Она пригубила из мензурки, поставила ее на стол, отломил кусочек пастилы.

– Скажи, зачем тебе знать?

– Я любопытен от рождения.

– Любопытство – порок.

– Значит, я порочен от рождения.

– Да ну тебя. Несерьезный ты.

– ... от рождения!

Лия улыбнулась, вздохнула поглубже и принялась рассказывать.

– Так ты его оставила в своей квартире?! – поразился Феликс, когда Лия закончила свой рассказ.

– Нет, мне надо было любезно попросить его пройти к выходу! – съязвила она.

– И полицию не вызвала. Ты сумасшедшая! Он за это время может всю твою квартиру вынести!

– Там из ценностей только мебель... Я реставратор мебели, у меня есть дорогие предметы... Но не станет же он выносить стулья ночью?

– *Реставратор мебели?* Мне почему-то казалось, что это профессия не для юных дев.

– Я тоже так раньше думала... А ты не видел передачу «Личности»? Я там рассказывала о своей работе.

– Нет, Лия, у меня нет времени на телевизор... И как ты дошла до жизни такой?

Она улыбнулась:

– Вообще-то у меня образование юридическое. Незаконченное, правда. Я бросила университет на четвертом курсе, когда отец заболел. Он у меня известный краснодеревщик. Много лет делал небольшие вещи на заказ под старину, реставрировал антиквариат. Я ему с детства помогала, все свободное время с ним в гараже проводила – папа там мастерскую оборудовал. Мне все было интересно, я полюбила запахи дерева, лаков, олифы, политуры... Мне нравилось, как папа называл это: «лечение». Он не употреблял слово «реставрация», он говорил: «сейчас будем лечить этот столик»... Папа меня пристрастил к своему ремеслу, но я всегда думала, что не смогу им заниматься: мебель слишком тяжелая для женщины. Но у папы открылась болезнь Паркинсона. Стали дрожать руки, уменьшилась точность, а некоторые виды работ требуют прямо-таки ювелирной точности! Сначала я помогала ему в свободное время, а потом совсем учебу бросила. Теперь папа полностью отошел от дела, я переняла всю его клиентуру. А для манипуляций с тяжелыми предметами наняла одного парня, таджика, из дворников. Ему нравится мне помогать...

– Не жалеешь, что бросила юридический?

– Нисколько.

– Профессия прибыльная, говорят.

– У меня профессия творческая, это куда интереснее. И потом, работать на себя – это свобода.

– Трудно не согласиться... Но меня вот что...

– А ты? Почему стал заниматься такой... таким... Таким делом?

– Лия, тебе никогда не приходило в голову, что перебивать собеседника – это проявление эгоизма? Хочешь говорить только о том, что интересно тебе!

– Не приходило. А ты – зануда.

– Ладно, я зануда, извини. Привык к строгости научных прений.

– Ты занимаешься наукой?

– Состою в обществе патологоанатомов, пишу статьи, иногда выступаю... Лия, если тебе действительно интересно, чем я занимаюсь, то я тебе расскажу, обязательно. Но сейчас меня заботит другое: он мог тебя увидеть в передаче! И нападение в таком случае не случайность!

– В передаче не называли мой адрес!

Феликс как-то странно посмотрел на нее и встал. Обошел стол, включил компьютер, подождал, пока загорится экран, и что-то напечатал.

– Смотри. – Он уступил Лие место перед монитором. – Фамилию-то твою в передаче называли, так?

На экране висел «Яндекс», а в окошке поиска стояло: «найти адрес по фамилии». Внизу располагался список ссылок и значилась цифра в 5 миллионов.

– То есть пять миллионов сайтов, на которых можно найти адрес любого человека?! – поразилась Лия.

– Нет, большинство из них не имеют отношения к делу – мотор поиска «поймал», к примеру, аналогичный вопрос, заданный на каком-то форуме. По иным ссылкам попадаешь к мошенникам, которые предлагают заплатить за услугу. Но с десятков нормальных сайтов есть.

Плохих и неполных, однако твой адрес может в них оказаться. Я знаю, потому что недавно пытался найти одного своего детского друга... А есть еще платные справочные, «левые» базы данных, где можно узнать твой адрес всего лишь по фамилии!

– Но зачем ему, Феликс? Зачем красивому мужику узнавать мой адрес и тащиться на окраину города, когда он любую снимет в два счета?

– Ты красивая девушка, но...

– Не настолько красивая, чтобы...

– Опять ты меня перебила. Дай договорить, черт побери!

– Ну?

– ...но красивых девушек много. Есть причина, по которой он выбрал именно тебя.

– А если он просто ненормальный?

– Даже у ненормальных есть какие-то мотивы для поступков.

– Хватит, мне надоел этот разговор! Это ведь только твое предположение – что он меня видел в передаче, раскопал мой адрес и прочее! А на самом деле он, может, просто шел мимо, увидел одинокую девушку и решил воспользоваться ситуацией! Со своей подругой поссорился и был зол на весь женский род, к примеру! Или наркотики принял! Я не знаю, как выглядят наркоманы, но алкоголем от него не пахло, это точно...

Феликс только головой покачал. Подошел к окну, приподнял жалюзи. На улице светало. Шел дождь, месил серое тесто утра.

– Давай-ка твоим зубом займемся. Садись на тот стул.

Он снова принялся мыть руки и произнес, не оборачиваясь:

– В полицию все же надо сообщить.

Лие вдруг показалось, что он старше, чем она предположила. Что-то очень взрослое было в его интонации.

Она не ответила, и Феликс, все так же не оборачиваясь, спросил:

– Или у тебя какие-то проблемы с полицией?

Она поняла, откуда эта «взрослая интонация»: Феликс решил, что ее уже когда-то задерживали... за что-то.

«Проблем с полицией» у нее не имелось. Ее никогда не задерживали, не арестовывали. И все же проблема имелаась. Только другого рода.

Тогда ей было пятнадцать лет. Она возвращалась от подруги, шла к метро через парк за стадионом «Динамо» – стояло лето, светлынь, даже солнце еще не село! Однако аллея была почему-то пустынная. Кто-то шел за ней – она уловила шаги краем уха, но не придала этому значения: мало ли кому с ней по пути, кому нужно к метро...

Сбоку, на газоне, что-то цвело бледно-розовым и нежным, и Лия, заинтригованная, остановилась перед кустом, пытаясь определить его ботаническую принадлежность.

Сейчас, вспоминая этот момент, Лия вдруг поняла: она остановилась перед кустом не только потому, что он ее заинтересовал. Она ощущала опасность, исходившую от шагов позади, и хотела их переждать, – в надежде, что они прозвучат мимо...

Не вышло. Ее обхватили мужские руки, в щеку дохнуло крепким перегаром: «Тихо, не рыпайся!»

Она ударила нападавшего мужчину локтем, но он лишь еще крепче ее перехватил и потащил на густо заросший газон.

– Я только полапаю, – просипел он, – не сопротивляйся...

Но Лия сопротивлялась изо всех сил. Дважды ей удалось вырваться – дважды он ее настигал, сбивал с ног, валял по земле и лез под майку, пытаясь расстегнуть лифчик. «Дай полапаю, я не буду тебя насиловать, не псих в тюрьме сидеть – только полапаю, слышь, дай...» – дышал он ей перегаром в лицо.

На аллее появились люди, и Лия, совершив новое отчаянное усилие, вырвалась, бросилась к ним. Троица – две женщины, один мужчина – смотрела на нее с неподдельным изумлением и, пожалуй, с некоторым отвращением... Еще бы: на лице, руках и коленях у Лии земля, трикотажная майка измята и перекручена... Но эти люди быстро взяли в толк, что случилось с девочкой. Мужчина даже попытался поймать насильника, но того уже и след простыл.

Компания довела ее до Ленинградки, поймала такси и сопровождала в ближайшее отделение милиции. Дали показания как свидетели и оставили Лию на попечение стражей порядка, пожелав ей удачи.

От звонка родителям Лия всяко пыталась отбрыкаться: мама же сердечница, ее может убить это происшествие!

Но ей не вняли, позвонили домой. К счастью, трубку снял папа. И сказал, что немедленно приедет.

Однако ждать его милиционеры не стали, принялись расспрашивать Лию. Она, несмотря на смущение и стыд, все описала честно, как просили. Но они все спрашивали и спрашивали, уточняли детали, о которых ей трудно было говорить... «Да, лифчик хотел... расстегнуть... Руку просунул...» – она заливалась краской, но отвечала: в милиции ведь надо отвечать.

К первым двум ментам подошел еще один, потом еще двое, и все они сгрудились вокруг Лии, жадно ловя каждую новую подробность. Она видела, как менты рассматривали ее – грудь, губы, – будто представляли себя на месте этой гнуси, которая напала на нее. Они завидовали насильнику! Они хотели бы оказаться на его месте!

Описать преступника ее попросили только в конце, когда приехал папа, и трое тут же отошли от стола, у которого сидела Лия, а последний немедленно взял ручку, какую-то бумагу и строгим голосом спросил девочку: «Опишите его!»

Описать нападавшего толком она не смогла: тогда она носила очки, они с нее слетели при первой же атаке. Только сказала, что бритый наголо, лицо квадратное, а глаза голубые.

Уходила она из милиции с чувством гадливости. И с желанием больше никогда туда не возвращаться.

Однако две недели спустя ее пригласили в милицию снова – на опознание. Мужчину задержали при обстоятельствах, сходных с теми, что описывала Лия.

Перед ней приоткрыли дверь кабинета, дали заглянуть: за столом сидел милиционер, а у стола парень... Кажется, тот самый.

– Ну, это он на тебя напал? – спросил ее сопровождавший мент.

– По-моему, он.

– *По-твоему?*

– Понимаете, с меня сразу очки слетели, когда он напал... И потом, я не могла его разглядывать, я думала только о том, как от него защититься... Но я помню его глаза, они такие странные. Голубые и будто плоские... понимаете? Я никогда раньше не видела таких глаз – как две плоски, как нарисованные! Это он, я уверена!

– Слушай, девочка, – сказал ей мент, – парень тебе ничего плохого не сделал, он просто в подпитии был. А ты толком не видела и не помнишь, у тебя фантазии. Парень из-за них может сесть! Это ему ломает жизнь, сечешь?!

А ей, пятнадцатилетней девочке, это жизнь не ломает? Почему они хотят защитить его, насильника, – а не ее, жертву?

– Короче, не уверен – не обгоняй! Не то тебя же и засудят за ложные показания, сечешь?

... Это теперь, спустя двенадцать лет, Лия осознала: ее просто-напросто запугивали. Никто бы ее не засудил, это полный бред! Просто те менты сочувствовали не ей, а насильнику. И идти к ним снова она не желает. Ничем ей в полиции не помогут...

– Понимаю тебя... – произнес Феликс, когда она закончила свой невеселый рассказ. – Но все равно считаю, что заявление сделать надо. Ты уже взрослая, тебе двадцать семь... – Он поймал вопросительный взгляд девушки. – Ну, тогда было пятнадцать, плюс двенадцать лет прошло, ты сама сказала... Я, кстати, думал, что тебе двадцать два от силы, и то лишь потому, что ты про учебу в университете упомянула... Короче, ты взрослая, и даже если те чмошники до сих пор в твоём районном отделе работают, то ты уже изменилась. А может, и они изменились, с возрастом обычно люди умнеют... Ладно, тебе решать. Открывай рот, займемся твоей щекой, наконец!

– А ты мне обещал рассказать, почему выбрал такую профессию.

– Согласен, буду заговаривать тебе зубы.

Лия улыбнулась и открыла рот. Феликс направил свет в нужную сторону, набрал лекарство в шприц...

Бабушка его умерла бы, если б не московский патологоанатом, приехавший с семьей в деревню возле озера Селигер в отпуск и снявший по соседству дом. Феликс помнит: бабушка в то лето беспрестанно болела, держалась то за поясницу, то за живот, и ей становилось все хуже. Но никто не знал, отчего: несколько раз ее возили в больницу, однако врачи не могли найти причину. Тогда еще не существовало нынешних методов диагностики, а оборудование ближайшей больницы и вовсе устарело на полвека.

К концу лета у бабушки случился острый приступ, и шестилетний Феликс подумал, что она умирает. Он забился в угол и плакал. Мама побежала к соседям, за московским врачом. Он пришел, мгновенно поставил бабушке точный диагноз, дал какие-то таблетки из своей аптечки и, не ожидая приезда «Скорой» (когда она еще доберется до деревни!), повез бабушку на своем «Запорожце» в больницу к своему другу-хирургу...

Феликс детали помнил смутно, но, главное, бабушку тот московский врач спас! И именно благодаря тому, что поставил правильный диагноз. Трудное слово *патологоанатом* Феликс тогда и научился выговаривать. Оно казалось ему синонимом к слову «волшебник»...

– Все, порядок, – Феликс закончил колдовать над ее щекой. – К дантисту можешь пока не ходить. Пусть щека и десна заживут, тогда и зубом займешься.

– Спасибо... Спать хочется...

– Мне бы тоже надо поспать хоть пару часов.

Ночь была на исходе, неяркий свет пасмурного утра проникал сквозь жалюзи.

– Давай так: ложись тут, на диванчике, а я в другом кабинете устроюсь. Скоро начнется рабочий день, нас разбудят, но чуток отдохнем... Идет?

– Это замечательно, Феликс Федорович, – загудел вдруг бас над ухом Феликса, – что ваше тело нашлось в моем кабинете. Поскольку в вашем кабинете обнаружилось другое тело, неопознанное. Принадлежит оно молодой женщине... красивой, между прочим. Уборщица наша напугалась до смерти, знаете все эти байки про оживших мертвецов, – так она решила, что это тело ожило и перебралось из холодильника к вам на диван, где снова умерло. В связи с чем Мария Никитична даже выдвинула не совсем научную, но увлекательную гипотезу: что вы, Феликс Федорович, девушку бросили при жизни, как водится у мужчин, – вот девушка и мстит вам после смерти!

Феликс сел, помотал головой, силясь сообразить, о чем речь. Перед ним стоял, сверкая очками, Александр Моисеевич, патриарх и бессменный глава патологоанатомического отделения. Губы его сложились в аппетитную улыбку – от такой всем становится смешно раньше, чем прозвучит шутка.

– Какое еще тело? – не понял Феликс.

– Ну как же, то, которое на вашем диване обнаружилось. И, заметьте, не мертвое, как решила наша уборщица, а всего лишь спящее. Я бы даже сказал, *крепко спящее* тело. Потому как оно до сих пор пребывает в объятиях Морфея, несмотря на шум и гам. И, коль скоро ваше уважаемое тело обнаружилось по соседству в аналогичном спящем состоянии, я делаю из этого факта вывод, что вы можете пролить свет на...

– Лия, боже мой, это Лия!

– Я так и знал, – удовлетворенно кивнул Александр Моисеевич, – что ваши тела имеют друг к другу отношение. У меня есть свежий анекдот, рассказать?

– Потом, Александр Моисеевич, потом. Ваши анекдоты нельзя принимать натошак...

Лия и в самом деле спала так крепко, что Феликсу не удалось ее разбудить вежливым потряхиванием. В коридоре гудел, как шмель, бас Александра Моисеевича: кто-то попался ему на пути и стал жертвой очередного анекдота. «...отчего у вас ноги так воняют? – А вы разве не знаете, откуда они растут?» – донеслось до его слуха.

Громкий хохот патриарха сотряс стены. Феликс невольно улыбнулся – не столько сомнительной шутке, сколько пристрастия старого друга и начальника к крепким анекдотам.

– Мне это не приснилось?!

Лия, приподнявшись на локтях, смотрела на него, изумленно подняв брови и моргая спросонок.

– Не знаю, о чем ты, но наверняка приснилось, – бодро ответил Феликс, надеясь, что Лия не имела в виду анекдот. – Вставай, рабочий день начался, все сотрудники подтянулись. Мне пора приступить к делам, а тебе...

– Я к подруге. Вот только позвоню ей, если можно.

Феликс указал на допотопный телефонный аппарат с крупными черными кнопками, стоявший на письменном столе. Лия спустила ноги с дивана, потянулась, встала; наклонилась вперед-назад, помахала руками вверх и в стороны – утренняя разминка. После чего подошла к столу и принялась жать на кнопки телефона.

– О-о-о, тело уже опознано? – На пороге кабинета появился Александр Моисеевич. – Лия, да? А знаете, милая девушка, нашу уборщицу чуть удар не хватил, когда она вас увидела! Думала, что вы...

Лия обернулась.

– Ого. Кто же так некрасиво с вами обошелся, голубушка? – спросил он, разглядывая поверх очков ее цветастую щеку и хмурые кустистые седые брови.

– Я упала, – сухо ответила Лия, снова отвернувшись к телефону.

– Не смешите мои фаберже, красавица! Вы с патологоанатомом имеете дело, ему тело само все секреты разбалтывает!

Его влажные и живые глаза смеялись.

Феликс поспешил на помощь Лие, опасаясь, что сейчас начнется введение в патанатомию. О своей профессии патриарх рассказывал с таким же смаком, как и анекдоты, но, как и с анекдотами, слушатель не всегда попадался благодарный.

– Лия, это Александр Моисеевич, заведующий нашим отделением, он же главный патологоанатом Москвы. А это Лия, моя...

Феликс вдруг умолк, не найдя подходящего слова.

– Бобрик, я уже понял, как девушку зовут, не трудитесь, – выручил его патриарх.

– *Бобрик?* – удивилась Лия. – Вы его тоже прозвали Бобриком?

– Что значит *тоже*? И что значит *прозвали*? Это у Феликса Федоровича фамилия такая.

– Ой. А я-то ему... Алло, Маш? – Лие повезло, что подружка ответила именно в этот момент, прервав ее неловкую беседу с патологоанатомами. – Ты не против, если я приеду сейчас к тебе? Потом все объясню, при встрече...

Закончив разговор с Машей, Лия вызвала такси. Машину обещали подать через четверть часа.

Небо за окном недовольно морщило лоб, его просторную гладь бороздили тучи, сгущаясь и темнея.

Феликс молчал. Легкость, с которой они общались этой ночью, вдруг исчезла.

Лия тоже не знала, что сказать.

– Может, тебе надо в... э-э-э... в туалет? Умыться? – придумал он наконец повод заговорить.

– Спасибо, я у Машки помоюсь.

Лия взяла в руки свой плащ с застрявшей молнией, попыталась привести замок в исходное положение... Феликс протянул руку, забрал у нее плащ, разложил у себя на коленях, сделал несколько движений...

– Держи.

– Ой, починил! Спасибо... За все спасибо, Бобрик, – она улыбнулась. – Тебе идет твоя фамилия. У тебя шевелюра бобриком.

– Хорошо, что не зубы! – Он приложил два согнутых пальца к верхней губе.

Лия улыбнулась. Надела плащ, застегнулась.

Звякнул мобильный: пришло сообщение, что такси подъедет через пять-семь минут.

– Пойдем, я провожу тебя до ворот. Тут как раз минут пять идти по парку.

Двери, выходящие в коридор, теперь были открыты. В их проемы виднелись какие-то аппараты – ну да, тут ведь лаборатории, где с помощью техники устанавливаются точнейшие диагнозы... Кому-то на радость, кому-то на горе.

Лие стало малость не по себе.

– Скажи... – Она повернула голову к Феликсу, шедшему рядом. – Ты вскрываешь трупы... Тебе не страшно?

– Иметь дело с мертвецами? Нет. Зло причиняют только живые.

– Да, но все-таки в этом есть что-то... Не знаю даже, как сказать... Вмешательство в чужую смерть, что ли.

– Вмешаться в смерть невозможно, – мягко ответил Феликс. – Пока человек жив, его пытаются спасти врачи: они вмешиваются в жизнь, если угодно. Если человек, несмотря на все старания, умирает, его тело становится лишь пустой оболочкой. В ней нет ни жизни, ни смерти, – как в одежде, которую оставила душа на берегу реки.

– Стикса...

– Да. Но эта оболочка содержит информацию. Она рассказывает мне о страданиях и радостях человека. И о том, что вырвало его из жизни. Его последняя исповедь, так сказать...

– А исследования тканей, как это...

– Гистология.

– Ты ведь делаешь ее для живых тоже? У тебя нет чувства, будто ты вершишь судьбы? Одного милуешь, а другому оглашаешь смертный приговор... Это тяжело, мне кажется. Я бы не смогла.

– Не совсем так. Патологоанатом в диагностической цепочке играет действительно роль судьи, но милует он или казнит, как ты выразилась, на самом деле не пациента, а врача. Правильный или нет поставил он диагноз больному? Верное ли назначил лечение? Врачи могут ошибаться. Иногда удается больного спасти лишь благодаря нашей точной диагностике... Как в случае с моей бабушкой.

– И без всяких аппаратов, между прочим! – запоздало удивилась Лия.

– Дело в том, что патологоанатом каждый день видит человеческий организм **изнутри**. Поэтому патанатомы – лучшие диагносты... И, знаешь, иной раз очень трудно быть судьей врачу – когда он твой друг, например. Ведь ошибка в диагностике может стоить ему карьеры. Нас, случается, и взятками пытаются подкупить...

Лия уже не слышала его. Ее глаза были прикованы к каталке, на которой под белой простыней лежало маленькое тело. Такое маленькое, что уместилось в треть лежака. Из-под простыни высовывались крошечные бледные пальчики руки.

Ребенок.

Она остановилась, не в силах отвести взгляд от маленькой ручки.

Почему умирают дети? Это неправильно, это несправедливо!..

Слезы выступили у Лии на глазах. Она отвернула голову, чтобы скрыть их.

Феликс, однако, заметил. Помедлив, он невесомо обнял ее за плечи, повел по коридору – подальше от каталки.

– Смерть – условие жизни, Лия... Каждый, кто рождается на свет, вынужденно подписывает этот договор, – тихо произнес он.

...Разумеется, Лия, как любой человек, не раз задумывалась о смерти. И мысль о том, что смерть есть условие жизни, отнюдь не показалась ей новой. Но что-то в формулировке Феликса болезненно резануло ее слух.

– *Договор?*

– Вынужденный. У нас нет выбора, – повторил он, что Лию еще больше рассердило.

– Да, человек смертен, это любой знает! Но почему ребенок?! Какой такой *договор*? Кто так решил?! Бог???

– Я не знаю, существует ли бог и что он решает. Но раз организм перестал функционировать – значит, тому были причины. Врожденные отклонения или приобретенные заболевания, вирусы, травмы – что-то спровоцировало его остановку. Я как патологоанатом даю родителям и близким ответ на вопрос об этих причинах. Ответ, который им остро нужен, потому что они тоже кричат: ПОЧЕМУ?.. Правда, не все, – вдруг добавил он и умолк.

Лия посмотрела на него: лицо Феликса было жестким, губы сжались.

– Что? Договоры, Бобрик... – тихо произнесла она.

– Эта малышка на каталке, ей почти четыре года, а ростом она с двухлетнего ребенка... Ее мать – алкоголичка и наркоманка. По пьяни забеременела, по пьяни родила. Девочка явилась на свет со столькими патологиями, что спасти ее врачи не смогли... И мать вряд ли придет спрашивать о причинах смерти. Она даже за телом не придет: ведь для этого надо быть трезвой... Будь моя воля, я бы эту женщину под суд отдал – за убийство ребенка!

Лия молча продела свою руку под его: знак солидарности.

– Извини, что нагнал на тебя тоску. В общем-то такие случаи редки. У большинства умерших есть нормальные родственники, которые... Как ни парадоксально, но горе здесь – норма. Ненормально, когда никто не приходит к умершему и никто по нему не плачет...

«Алло, здравствуйте, это секс по телефону? – загудел вдруг мощный бас где-то рядом. – Нет, это секс по барабану! – Ой, простите, а куда я звоню? – В дом престарелых!» Кажется, неугомонный весельчак Александр Моисеевич нашел себе очередного слушателя.

Лия поморщилась. Анекдот сомнительный, но, главное, столь неуместный на фоне смерти и печали...

И вдруг она подумала, что подобное буйство юмора – со вкусом или без, приличного или нет, – это способ не сломаться. Находить в себе силы, присутствие духа – и ради того, чтобы указать врачам на их ошибку (что чревато конфликтами); и ради того, чтобы рассказать убитым горем родственникам, отчего умер их близкий, дорогой человек...

Единственная и последняя справедливость, на которую родные могут рассчитывать.

Феликс с Лией вышли наконец из здания, углубились в парк.

Тучи все густели, потемнело. Казалось, наступили сумерки. И в тот момент, когда они достигли ворот, хлынул ливень, плотно штрихуя воздух.

В синеватом мареве неясных контуров, подрагивающих и мерцающих, Феликсу картина показалась призрачной: девушка у ворот больницы, фары такси, потом ее лицо за стеклом... Отчего-то все сжалось внутри, будто девушку похищали на его глазах, а он стоял, неподвижный, не в силах этому воспрепятствовать, ее удержать, предотвратить надвигающуюся беду.

Только когда машина тронулась, он чертыхнулся, что не спросил номер ее телефона.

Глава 5

Маша, увидев Лию, ахнула. И потребовала немедленных объяснений. Лия попыталась отмахнуться – усталость навалилась на нее жуткая, – но не вышло. Машка считала, что имеет право на компенсацию за свой прерванный сон.

Наконец, когда Лия окончательно осипла, а Маша вдосталь наахалась и наохалась, девушки отправились спать.

Маша жила с мужем в довольно просторной квартире из трех комнат и вполне могла отвести Лие одну из них; но Славка – муж то есть – убыл в командировку, в силу чего на здоровущей двуспальной кровати образовался излишек свободного места, и подружки решили устроиться рядышком.

Ливень кончился. Солнце уже вовсю наяривало в окно спальни. Лия нырнула под одеяло, натянув его на голову и оставив только маленькое отверстие, чтобы дышать, а Маша принялась задергивать поплотнее тяжелые портьеры специальной палкой, в девичестве лыжной, и произнесла категоричным тоном, завершая их разговор:

– Нет, Лейка, никуда ты не пойдешь, ни в полицию, ни домой. Будем ждать возвращения Славки из командировки, он к вечеру должен приехать, и посоветуемся с ним! Слышишь?

Но Лия не слышала. Она заснула мгновенно и видела почему-то во сне рыжего кота с рыжими глазами, которого звали Бобрик. Он наливал ей спирт из огромной бутылки, которую едва удерживал пушистыми лапами, но потом оказалось, что стакан ей протягивает рыжий парень... Но вовсе не стакан это был, а серая кошка по имени Репейка. Кошка вдруг вскочила Лие на плечо, пригнулась к ее уху и тихо, вкрадчиво произнесла: *«Не уйдешь теперь, русалочка...»*

Маша с тех пор, как вышла замуж, не работала, а у Лии график и вовсе свободный – так что спали подружки долго, пока спалось. Первой проснулась Машка и, пока ждала пробуждения Лии, успела повисеть на телефоне, рассказывая общим подругам страшное ее приключение.

– Трепачка ты, – Лия открыла глаза, – уже всем раззвонила, я слышала!

– А разве это секрет? – удивилась Маша.

– Да не то чтоб...

Лия и впрямь секрета не делала из последних событий, но и не понимала такой страсти – докладывать всем подробности своей и чужой жизни. Лие это казалось не вполне здоровым. Но Машуньке объяснять бесполезно: она ловит кайф, рассказывая о себе, даже если это всего лишь описание ее похода по магазинам. Что же до жизни подруг, это Маше представлялось частью ее собственной жизни.

– Ну а чего тогда обзываешься? – Маша смешно выпятила нижнюю губу, изображая обиду. – Я, между прочим, уже позавтракала, пока ты дрыхла. Тебе чего сделать?

Лия сладко потянулась, но тут же ощутила боль в щеке и сразу вспомнила вчерашние события. Потрогала языком острый край сломанного зуба, шовчик, сделанный Феликсом, и отправилась в ванную. Зеркало ее немного утешило: опухоль, хоть и сияла чуть ли не всеми цветами радуги, все же уменьшилась. Значит, как объяснил вчера Феликс, трещины в скуле нет. Иначе бы щека вздулась еще больше.

На фоне исключительно плохих новостей это можно было счесть новостью хорошей, и Лия немного повеселела. К тому же воспоминание о Феликсе было приятным...

Жаль, что она не сообразила попросить его телефон. Хороший он парень. И умный, что радует. Не то чтоб Лия предпочитала интеллектуалов – нет, это племя ей совсем не нравилось, вымороченное какое-то: гипертрофия мозгов на фоне атрофии чувств. Но и с дураками иметь дело она не желала. А Феликс вот как раз нормальный, без крайностей... И внешность у него

симпатичная, между прочим. Надо будет как-то его найти. Она ведь знает, где он работает, так что не проблема!

За завтраком Маша агитировала Лию ничего не предпринимать до возвращения Славки.

– Даже если ты в полицию пойдешь, я сомневаюсь, что они станут провожать тебя домой, а одной туда нельзя! Вдруг там эта какашка засаду устроила! Поджидает тебя!

– Маш, я не могу торчать у тебя целый день. Мне нужен мой мобильный, клиентам на сегодня встречи назначены, я должна срочно их отменить, а все номера – в сотовом! Да и вообще, с какой стати Славка, прямо с самолета, должен заниматься моими делами?

– С такой, что ты моя лучшая подруга!

– Машунь, не усложняй. Я папу попрошу сходить со мной.

– *Папу!* – фыркнула Маша. – Когда у тебя уже свой мужик будет, а не папа? Неприлично в твои годы, между прочим, с папой ходить! И чем тебе Игорек не угодил?

Игорек – это Лиин бывший парень, художник, с которым она рассталась полгода назад.

– С юмором, обаятельный, талантливый! – продолжала подруга.

Неистребимая Машкина страсть лезть в чужие дела сегодня Лию раздражала.

– Ему нянька нужна, а не жена. Он художник, а ты при нем подтиратель соплей. Мне эта роль не подходит, ты прекрасно знаешь... Все, Маш, закончили.

– Всем мужикам нянька нужна! – не сдавалась Маша. – Моему Славику, хоть он и крутой, тоже!

С точки зрения Лии, Славке, успешному спортивному массажисту, нянька вовсе не требовалась – он, напротив, обладал всеми чертами brutального мачо, при котором женщине отведена роль сладкой кисочки, – но Маше было приятнее так думать. Это поднимало ее самооценку.

– Машунь, я в ваши отношения со Славиком...

– Ой, ладно, ладно, ты у нас самодостаточная, в чужие дела не лезешь, в свои не пускаешь!

– Врать-то.

– Я не вру. А... преувеличиваю! – Маша вдруг расхохоталась. – А что, так интереснее! Вот за это ее Лия любила: за легкость характера, за веселость и необидчивость.

– Так завтраком накормишь?

Глава 6

Прошел уже без малого месяц с тех пор, как три дела легли к Громову на стол. Он их внимательнейшим образом изучил, сравнил. Никаких сомнений: это почерк сексуального маньяка. Все три девушки изнасилованы, задушены, а затем положены в ванну, наполненную водой. Во всех случаях в воду добавлено немного хлорки, отлично уничтожающей генетические следы насильника, если таковые были (слюна, пот), и довольно большое количество душистой соли для ванны, имеющей зеленоватый цвет. Установить, от какого производителя соль, невозможно – подобной базы данных в России не существует. Даже ее первоначальный цвет неизвестен – под действием хлорки она должна была изрядно обесцветиться.

Хлорку и соль убийца приносил с собой – у жертв ни того, ни другого не обнаружено. Значит, это часть ритуала. Не хлорка – у нее лишь практическое назначение, – а зеленая соль, именно она. Что она ему давала? Почему зеленая? Или важен запах? По словам тех полицейских, которые побывали на месте преступления, он, скорее, цветочный. Один сказал – ландыш, другой – жасмин, остальные пожали плечами: не разбираются, но точно не хвойный. Эти цветы, точнее, запахи, вызывают у маньяка какие-то ассоциации?

Вопросы, одни вопросы...

В ритуал входило и вырезание треугольников на телах жертв. Их было разное количество, находились они в разных местах. Посему Громов в конечном итоге исключил какую-то логику в их геометрии, то есть в форме, сосредоточившись на содержании – то есть на вопросе: что? Пытаясь найти ответ, он изучил под лупой фотографии девушек на пляжах, а Костик с Димычем (который тоже давний товарищ и друг, много дел вместе провернули!) опросили родителей и знакомых с одним вопросом: что там было?

Фотографии оказались слишком мелкими, сняты общим планом, и ничего на них разглядеть не удалось.

Родители не знали. Как выразилась одна рыдавшая мать, «время, когда мы ее купали, давно прошло...» Подруги тоже не сумели ничего сказать. Но все же удалось найти бывшего друга одной из погибших девушек. «Родинки», – сказал тот.

Родинки? Но на телах двух жертв их было куда больше, чем треугольников! Почему он вырезал одни и не тронул другие? То ли парень ошибся – все же два года тому, как расстался с девушкой, – то ли у Громова прибавилось загадок...

Следов спермы также не нашли. Скорее всего, преступник пользовался презервативами. Однако эксперты были уверены в том, что половой акт происходил, – о том свидетельствовали небольшие внутривлагалищные травмы у всех трех девушек. На изнасилование, пожалуй, не потянут, но на грубый секс вполне.

Следов борьбы, однако, тоже не обнаружилось: ни синяков, ни ссадин, ни частиц под ногтями. Видимо, девушки соглашались на секс добровольно. Что, к слову, говорит о том, что убийца выглядит довольно привлекательно. А когда он начинал их душить, то сопротивляться уже поздно было...

Не нашли эксперты и отпечатков – то ли он их грамотно стер, то ли орудовал в перчатках.

Ну и для полноты картины – тотальное отсутствие свидетелей. В квартиры он входил поздней ночью и по согласию жертв (следов взлома не имеется), никто из соседей его не видел, шума не слышал.

Попытки найти географические точки, в которых могли пересекаться девушки – бассейн, парикмахер, врач, бутик и прочее, – тоже ни к чему не привели. Жили они в разных районах, ходили к разным врачам, парикмахерам.

Выяснилось, однако, что две (из трех) девушки были записаны на одном и том же сайте знакомств. Лояльности владельцев сайта поспособствовало разрешение прокуратуры на проверку, и Димыч с Гошей просидели у них в офисе несколько дней, читая переписку двух последних жертв с потенциальными ухажерами.

Любителей потрындеть в Сети оказалось множество, и, против всех ожиданий, далеко не все мужчины набивались на свидания. Этим, видимо, словесные игры заменяют секс, подумал Громов, читая отчет (мать честная, сколько же в мире отклонений!), но они хотя бы никого не насиловали (разве только чужие мозги) и никого не убивали.

Однако и на этом пути расследования возникло препятствие. Димыч с Гошей искали одинаковые ай-пи³, выходившие на связь с обеими девушками, – а их оказался небольшой табун. То ли на свете существует тайный клан поклонников голубоглазых шатенок, то ли мужчины шлялись без разбору по всем страницам женщин сайта, заигрывая с каждой.

Что еще было любопытно, это наличие заграничных ай-пи. Какие-то вели в Европу, иные в Америку, даже Гондурас в списке оказался; иные в Азию или Африку. Женщины этого знать не могли (ай-пи обычному пользователю не известен, его может видеть только техническая служба сайта) и соглашались на свидания с «далекими чужеземцами» (о чем, разумеется, даже не подозревали).

– Иностранные ай-пи – это через прокси⁴, да? – спросил юный опер Гоша, который научился пользоваться компьютером еще на горшке.

– Без сомнения, – ответил парень из техподдержки сайта.

Обе девушки накануне своей смерти дали номер мобильного телефона мужчине, ай-пи которого прятался за прокси. Правда, они давали его и другим. Посему, строго говоря, совсем необязательно, что именно этот, последний, оказался убийцей... Но выход на сайт через прокси вызывал подозрения. Не так уж много людей знают о подобной возможности, еще меньше ею пользуются. Пираты, например, хакеры всех мастей... Или тот, кому надо замести следы.

Гоша с Димычем попросили показать им страницу этого мужчины. Звали его Григорий Еремин (так мы и поверили!). На странице были размещены три фотографии – интересный мужчина лет двадцати семи, – а в его «профиле» было указано: «Коммерсант, обеспечен, не женат, люблю музыку и природу, ищу родственную душу».

Банальнее некуда. Стандартный способ завлечь женщину.

– Фотки его, думаешь? – спросил Гоша у компьютерщика.

– Ща проверим... – лениво отозвался тот.

Совершив несколько манипуляций на клавиатуре с быстротой фокусника – даже Гоша, не говоря уж о Димыче, только успевал глазами хлопать, – он ткнул пальцем в экран.

– Хех. Смотрите сами.

Они посмотрели. Поисковик, сравнив фотографию «Григория Еремина», нашел аналогичные снимки. На них был изображен молодой французский певец, малоизвестный в России...

Итак, подытожил Сергей Громов, прочитав отчет, даже если этот «Григорий Еремин» и есть наш маньяк, то найти его через Интернет не представляется возможным. Кроме того, первая жертва на сайтах знакомств не числилась. Она вообще компьютером не пользовалась.

³ Идентификатор компьютера, подключенного к сайту. Благодаря ему можно узнать интернет-провайдера данного компьютера, а уже через него уточнить адрес конкретного пользователя.

⁴ Прокси – это удаленный сервер (компьютер), на который пользователь выходит первым делом. Такой сервер дает ему фальшивый ай-пи, который может указывать на любую страну мира. Уже под его прикрытием пользователь заходит на нужный ему сайт. Узнать настоящий ай-пи посетителя благодаря этому трюку практически невозможно, поскольку удаленный сервер находится, как правило, за границей.

Убийца мог ее и на улице подцепить. Или на работе. Или в кино. В кафе, в парке, в поезде или самолете... Это лишний раз подтверждает гипотезу о том, что преступник имеет вполне презентабельную внешность. И, скорее всего, при деньгах, что позволяет «ухаживать красиво». Женщины на это падки...

Повторный анализ входящих на мобильные телефоны жертв показал, что двум последним звонили вскоре после того, как они дали свой номер «Григорию Еремину» на сайте знакомств. Однако звонки были с разных сим-карт.

Громов тут же запросил сведения о владельцах данных сим-карт, хотя особо не надеялся: преступник хитер и осторожен, вряд ли он лажанулся с симкой...

Сергей не ошибся. Один номер принадлежал пьянчуге, который и мать родную не вспомнил бы, не то что человека, заплатившего ему за покупку сим-карты; другой – гастарбайтеру из Азии, который, как выяснилось, уже покинул Москву. Ясно, что и эту симку маньяк купил у первого встречного...

И где преступника искать, как его вычислять – неведомо.

А сегодня на голову Громова свалилась новая загадка. Поскольку по всем отделам прошло распоряжение передавать похожие дела на Петровку, с утречка он получил рапорт об убийстве девушки, некоей Валентины Седовой, официантки. Вот только входит ли оно в серию? На первый взгляд да: у девушки были голубые глаза и каштановые волосы; ее задушили и положили в ванну с водой. Однако жертва не изнасилована – точнее, следов «грубого секса», как в первых трех случаях, не обнаружено. В воде не нашли ни хлорки, ни душистой зеленой соли. Хотя поза тела похожа: в воду оно погружено с головой, волосы ореолом окружают лицо...

Маньяки обычно очень последовательны в своих ритуалах, даже дотошны, все делают тщательно. Это доставляет им острое наслаждение, и, поскольку они по большей части импотенты, полные или частичные, то ритуал заменяет им секс. Или способствует эрекции.

Собственно, перебои с потенцией могут объяснить тот факт, что жертва не изнасилована. Но соль? Но хлорка? Почему в данном случае их нет? Убийца забыл взять с собой? Но это нормальный человек мог забыть. Маньяк же никогда ничего не забывает!

Или все же забыл – или не смог – взять флаконы с собой, поэтому и сбой у него случился?

Нет, нет и нет. Маньяк не пошел бы на дело без них! Почерк у всех этих психов разный, ритуалы разные, но важность ритуала всегда первостепенна!

...Или все-таки мог?

Громов запросил распечатку звонков Валентины – для порядка, хоть и безо всякой надежды. Интуиция его не подвела: Валентине вообще никто не звонил накануне. Сама она да, звонила, сестре и еще трем подругам. В предшествующие два дня тоже шел не слишком активный перезвон между девушками – ни одного мужчины.

Сергей посадил Димыча на беседы с подругами Валентины – сам не хотел отвлекаться от мыслей, тем более что был уверен: беседы эти ничего не дадут. Никому не рассказала Валентина о своем знакомстве: не успела.

Надо полагать, что, как и в первом случае, преступник подцепил девушку где-то в городе и незадолго до того, как убил. Он не оставлял жертвам времени ни на размышления, ни на звонки. От первой его улыбки и до конца ее жизни он был рядом с ней... В течение нескольких коротких часов, отделявших одно от другого.

Впрочем, у нового дела есть одно преимущество: мы знаем, где была Валентина незадолго до убийства. Поскольку была она на работе, в кафе, ее коллеги могли видеть того, с кем она ушла. Если ушла не одна, конечно.

Стало быть, следует с ними переговорить.

Киса бы взять с собой... У него интуиция – будь здоров! Правда, он в ней вечно сомневается, и, надо признать, иной раз не без оснований. Засранка эта – интуиция которая – случается, подводит. Но нередко бьет в самое «яблочко». Он, Серега, всегда прет как танк, – Леха же вечно ищет дополнительные версии, проверяет-перепроверяет. Серега на дружбана частенько злился (а дружбан – на него), однако две их интуиции – это сила!

Но Кис свалил в частный сыск, и теперь к нему на кривой козе не подъедешь: его надо за бабки привлекать к делу. А в данном случае ситуация не та, чтобы считать, что помощь частного сыщика необходима, и никто не позволит Громову привлечь его к делу официально.

Можно еще, конечно, чисто по дружбе попросить, Леха не откажется, но тут самолюбие Сереге мешало...

Пока Громов зависал над философией и психологией дружеско-профессиональных отношений, Кис вдруг позвонил сам.

– Как ты там? – спросил.

– Да вот, все морочусь с маньяком, – признался Серега. – А ты чего это заинтересовался? – с подозрением спросил он друга.

– Так просто. Свободная минутка выдалась, решил узнать, как продвигается расследование.

– А ни черта не продвигается. Смотри, уже есть три дела с одним почерком. А сегодня привалило новое, но там совпадения только частичные... – и Серега поделился с Лехой подробностями.

– Ты прав, надо обязательно переговорить с персоналом кафе, – выслушав, произнес Кис. – Вероятность того, что убийца познакомился с этой девушкой... Валентина, да?.. что убийца познакомился с ней именно там, высока. Ты сказал: у него должна быть приятная внешность – поскольку следов борьбы нет и прочее, – и я согласен. Но все же парня, который вынырнет у двери подъезда, даже симпатичного, ни одна девушка не поведет к себе домой сразу. То же относится к знакомству в метро и прочих видах городского транспорта. Должен был произойти ритуал ухаживания, хотя бы короткий.

– «Ритуал ухаживания»? Я тоже думал об этом... Ладно, бывай.

Глава 7

Несмотря на уговоры Маши, Лия отправилась к родителям. В конце концов, Славку попросить никогда не поздно, если понадобятся его тренированные мускулы. Но сейчас ей требовались мозги. Причем папины.

И, к слову, запасной ключ от ее квартиры.

Мама первой вышла в прихожую, встревоженная.

– Что-то случилось, доченька?

С Лией никогда ничего не случалось – по крайней мере, такова была стандартная версия для мамы, – но та всегда волновалась. А они с папой всегда волновались за нее: сердечница.

Порок сердца выявился, когда она носила Лию, на шестом месяце, и тогда папа стал бояться, что потеряет любимую жену при родах. Все обошлось, но страх не ушел: порок сердца, как бомба замедленного действия, мог убить ее в любой момент. Маме пришлось резко изменить образ жизни, ограничить движение, бросить работу, глотать лекарства... Всего за несколько лет молодая, красивая, хрупкая женщина обрюзгла и постарела. Только ее чудные волосы, светло-русые, тяжелые, остались прежними...

Лия, еще девочкой, часто перебирала старые фотографии и жалела, что никогда не видела маму такой, как на снимках, – красивой и беззаботной. Сколько она себя помнит, мама болела, была бледной, отечной и пахла валерьянкой. Поэтому даже малейшее событие, вроде двойки или вызова родителей в школу за прогул, – все это было между Лией и папой. Маму они берегли сообща.

Собственно, они и были сообщниками. Со-общники во всем, во взглядах, в отношении к миру и своему месту в нем.

Георг (русифицированный вариант от армянского имени Геворг) был чудесным отцом. Он умел идти ей навстречу, часто Лию баловал, но и умел быть честным, не боясь сказать дочери не всегда приятную правду. Именно папа научил ее противостоять жестокому диктату школьной моды, первобытному соперничеству девочек и гормональному самоутверждению мальчиков.

Однажды – Лие было тринадцать, и, как все девочки ее возраста, она была зависима от мнения подружек – он отказал ей в покупке модной юбки. Зарабатывал папа хорошо, вполне мог позволить себе дорогую вещь, но отказал. А когда Лия, рыдая, обозвала отца скупер-деем, он ее повел в кафе-мороженое и там, сидя напротив дочери, объяснил ей... «Это соревнование никому не дано выиграть. Ты купишь модную шмотку, – завтра кто-то придет в еще более модной. Эта гонка ведет в тупик, солнышко. Остановись, не участвуй в ней. Ты, твоя личность не определяется юбкой, правда же? Какая бы вещь на тебе ни была надета – ты всегда та же Лия, та же умница и талантливая девочка. Так ставь на это. На себя ставь! На свои достоинства, на то, что есть **ты**, а не на тебе... Это единственный бесприкрытый вариант».

Не сразу Лия поняла. Вернее, умом-то поняла, но надо было еще научиться выдерживать насмешки, стать невозмутимой и уверенной в себе... Папа поддерживал ее постоянно, каждый день, на каждом ее шагу. Советовал, как ответить девчонкам или промолчать; отшутиться или резко поставить задиру на место...

Нелегкая была то наука. Но Лия понемногу справилась.

Так что и независимостью своей, и уверенностью в себе – в том числе в своей женственности и красоте – Лия обязана папе. Благодаря ему она чувствовала себя особенной, счастливой и сильной. *«Лийка, ты воздушный шарик. Тому, кто захочет тебя удержать, нужно будет сначала дотянуться, чтобы ухватить веревочку...»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.